

«Тяжелый хлеб»(1914) — вторая часть историко—символистской трилогии о Куфонтенах («Заложник», 1910, «Унижение Святого Отца», 1916), в которой Клодель через историю одной семьи хотел проследить божественный промысел в истории Франции XIX века.

Структура драмы, как всегда, двухплановая. Внешний сюжет с занимательной интригой — это по форме виртуозно построенная, «хорошо сделанная пьеса». Чтобы описать эпоху буржуазного короля Луи-Филиппа, Клодель отказывается от своего обычного избыточного лиризма и длинных тирад в пользу более коротких реалистических реплик. Но за внешним проступает внутренний, символический сюжет, на котором данная история прочитывается с точки зрения Вселенской драмы, разыгрываемой в присутствии и по замыслу Господа Бога.

Внешний сюжет «Тяжелого хлеба» — картина разложения общества, забывшего о Христе и живущего по принципу «Все дозволено». Место Бога Любви заняли деньги.

«Тяжелый хлеб», или хлеб горести и печали, становится символом богооставленности людей. Но то, что могло стать трагедией, оборачивается карнавалом. Мир, где «балом правят деньги», представлен как игра перевертышей, где все обманчиво, или, как говорит один из героев пьесы, Тюрелюр, «это ложь, то есть это правда».

Примечание переводчика

Поль Клодель «Тяжелый хлеб» (Paul Claudel «Le Pain dur »)

Перевод Екатерины Богопольской

Драма в трех актах.

Эпиграфы:

Тогда скажу: не буду пасти вас, умирающая пусть умирает, и гибнущая пусть гибнет, а остающиеся пусть едят плоть одна другой.

Книга пророка Захарии XI -9

Безрассудны, вероломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы

Послание к римлянам святого апостола Павла I - 31

Действующие лица:

Тюрелюр

Сишель

Лумир¹

Луи

Али Хабенихтс

Мэтр Отмороженный, нотариус

¹ В тексте Клоделя сноска - произносить имя Lumir как Loum-yir.

² Данный перевод был выполнен для парижского театра L'Atalante в 2010 году

Первый акт.

Сцена Первая

Старинная библиотека цистерцианского монастыря Куфонтепов, как она была описана в первом акте «Заложника»², только без книг. Книги, сложенные в стопки, разбросаны по всей комнате. Кругом пыль и беспорядок. В некоторых местах окна заклеены бумагой вместо стекол.

Большое бронзовое распятие снято со стены, и стоит внизу. На его месте и даже еще гораздо выше портрет короля Луи-Филиппа в форме национальной гвардии, с внушительными эполетами и в панталонах из белого казимира. На дворе ноябрь.

При открытии занавеса на сцене Сишель и Лумир, обе сидят. Лумир в мужском костюме, в длинном рединготе с брандесбурами. Из соседней комнаты слышны разглагольствования Тюрелюра.

Голос ТЮРЕЛЮРА.- ... Конституционная монархия, традиционная в своей основе и современная в своих установлениях.

Аплодисменты.

СИШЕЛЬ.- Эту формулировку я придумала, действует безотказно. Он ее теперь вставляет везде, где только можно.

Голос ТЮРЕЛЮРА.- ... развитие национальной промышленности, идущее в ногу с прогрессом просвещения и благоразумной свободой! И эти размышления приводят меня, господа, к предмету нашего нынешнего собрания. Сегодня железная дорога дошла до Куфонтепа. А уже завтра через долину Марны по ту сторону Вогезов она достигнет Рейна и соединится с востоком! Наша рука в дружеском пожатии соединится поверх границ с рукой, протянутой нам братской Германией. Простите эту сентиментальность старому вояке! Все то, о чем мы мечтали в молодости, все, чего не смогли достичь

² «Тяжелый хлеб»(1914)- вторая часть трилогии о семье де Куфонтеп, начатая «Заложником»(1910). Третья часть- «Унижение Святого Отца»(1916).

пушки и гений великого полководца, смогла осуществить наука! От одной страны к другой совершается мирный обмен товарами, идеями и самыми благородными чувствами. И какое будущее откроется для наших деревень! Наше сельское хозяйство найдет легкие рынки сбыта, каждый кусочек земли будет обрабатываться, перенаселенные города сократят свое население в пользу полей и направит туда жизнерадостные батальоны тружеников! Конец безработице и незанятым рукам! Наша промышленность повсюду разожжет свои топки, повсюду будут выситься печи сахарных заводов! И я тоже, господа, да, я сам хочу подать пример! Эту земля, этот дом, эти наследственные владения нашей старинной семьи я решил посвятить развитию экономического потенциала страны. Этот монастырь превратится в бумажную фабрику. Там, где некогда благонамеренные служители культа, о которых без сомнения еще с умилением вспоминают наши старики, возводили в честь Божества свою достойную уважения, но бесполезную молитву, теперь будет раздаваться жизнерадостный шум машин и скрежет грузовых люков. Разве труд не есть лучшая из молитв, та, что более всего приятна Создателю? Воистину. Но кому должны мы все эти благоденствия! Кому, спрашиваю я вас, господа? Не будем забывать: государю восстановителю, который спасая Францию от пустых брожений демагогии, пришел, чтобы окончательно водворить на нашей земле конституционную монархию, традиционную в своей основе и современную в своих институтах!

Тишина. Потом слабые аплодисменты.

СИШЕЛЬ.- Забыл, что он уже это сказал.

Голос Тюрелюра.- Господа, я поднимаю мой бокал в честь его Величества Луи-Филиппа Первого, короля Французов! Да здравствует король и его августейшее семейство!

Аплодисменты, гул голосов.

СИШЕЛЬ. -Вы мне скажите, что все вот это не вернет вам ваши десять тысяч франков.

Лумир.- Терпение, они все равно будут мои.

СИШЕЛЬ. -Вы полагаете, что десять тысяч франков выскочут вот так, сами по себе ?

ЛУМИР. - Господин граф богат.

СИШЕЛЬ. - Совсем не столь как вы думаете. Его распутство равно его скупости

Которая уступает место лишь его непорядочности. О, это настоящий вельможа !

Вы в самом деле полагаете, что когда вы богаты, вам ничего не стоит вот так запросто отдать деньги? Ваше простодушие меня удивляет.

Чем больше деньги работают, тем сложнее вытянуть из капитала наличные. Все просчитано заранее.

И уж конечно не сейчас, когда он задумал строительство этой бумажной фабрики, он сможет обойтись без наличных.

ЛУМИР.- Я знаю, что он получил деньги наличным от вашего отца.

СИШЕЛЬ.- Да, вы уже в курсе? Он в самом деле получил 20 тысяч франков.

ЛУМИР.- За продажу имения, Arbre-Dormant, «Древо-Непоколебимое».

СИШЕЛЬ.- Родовой замок Куфонтенов!

Хорошенькую сделку совершил мой отец! Несколько полуразрушенных стен да поля, сплошной песок! Да, забыла, еще мельница в придачу.

ЛУМИР.- Но именно оттуда пройдет железнодорожная ветка к Реймсу.

СИШЕЛЬ.- Вы хорошо осведомлены.

ЛУМИР.-Значит я получу мои двадцать тысяч франков.

СИШЕЛЬ.- Так вы теперь требуете двадцать тысяч?

ЛУМИР.- Десять тысяч, одолженных мной Луи, и десять тысяч, которые ему необходимы, чтобы расплатиться в срок по займу.

СИШЕЛЬ.-Это поможет ему выпутаться?

ЛУМИР.- И поможет также дожидаться - жатвы, которая будет успешной, в этом году выпало много осадков,

И доходов за поставки Оккупационному корпусу.

СИШЕЛЬ. - Так это серьезно? Луи в самом деле чего-то добился там?

ЛУМИР.- Три сотни гектаров земли у самых ворот Алжира, отвоеванных у болот Митиджи!

Которые наконец начнут приносить доход.

Наш отец не позволит, чтобы все это отошло к евреям за десять тысяч франков.

СИШЕЛЬ.- Вы сказали: «наш отец»?

ЛУМИР.- Луи женится на мне, вы ведь в курсе.

СИШЕЛЬ.- Да, я в курсе, он мне об этом писал.

ЛУМИР.- Он вам пишет?

СИШЕЛЬ.- Бедный мальчик! Я к нему очень расположена, и он это знает.

Я оказываю ему все услуги, которые в моих силах.

ЛУМИР.- Вы ему в самом деле обязаны.

СИШЕЛЬ.- Почему это я ему обязана?

ЛУМИР.- Все его состояние ушло к вашему отцу.

СИШЕЛЬ.- Разве я или мой отец виновны, если господин капитан Луи-Наполеон Тюрелюр-Куфонтен

Вбил себе в голову покорить болота Митиджи (три сотни гектаров у ворот Алжира)?

Я бы сказала, что он должен скорее благодарить старого Хабенихтса.

И к тому же деньги все равно остались в семье.

ЛУМИР.- Да, я знаю.

СИШЕЛЬ.- *Ваш отец*, как вы его называете, не посторонний в сделках моего.

ЛУМИР.- Именно поэтому я должна получить мои десять тысяч франков.

СИШЕЛЬ.- И вы рассчитываете на мою помощь?

ЛУМИР.- Мадам, позвольте мне просить вас об этом.

СИШЕЛЬ.- Я не мадам...

ЛУМИР.- Сисель...

СИШЕЛЬ.- И я не Сисель! Это старик придумал так называть меня. Он никогда не помнит имен,

Отчасти от высокомерия, отчасти по-глупости, и всех нас окрестил по своему,

Если мне будет позволен такой каламбур.

Так моего отца он превратил в Али Хабенихтса, - это дает, как он выражается, равную толику Востока и Галиции.

А мое имя Рашель, он превратил в Сишель, от немецкого Зихель- Серп полумесяца в чистом небе новой луны.

Ну, что ж. Мне это даже нравится.

ЛУМИР.- Я знаю, что вы здесь всевластны.

СИШЕЛЬ.- Я здесь хозяйка, не так ли?

ЛУМИР.- Если бы я так не думала, зачем бы я приехала?

СИШЕЛЬ.- Добродетельно сопровождаемая нашей старой тетушкой из Гродно, неопишуемой госпожой Коклошкиной.

Вы милы в этом мужском наряде.

ЛУМИР. - Так удобнее путешествовать.

СИШЕЛЬ. - Хорошо, что вы относитесь ко мне, как к другу.

Вы молоды, но благоразумны. И в брак вы тоже вступите по рассудку.

Никогда бы не подумала, что вы так привязаны к деньгам.

ЛУМИР.- Эти деньги мне не принадлежат.

СИШЕЛЬ. - Понятно. Это бедная маленькая революционная касса.

Именно с ней-то вы и собираетесь вернуть Польшу и выкупить в Дрезденском музее саблю Собецкого.

ЛУМИР.- Вовсе не об этой Польше идет речь, мадмуазель Хабенихтс, но о другой.

СИШЕЛЬ.- Какой же?

ЛУМИР(*опустив глаза*).- О Новой Польше.

СИШЕЛЬ.- И где же это?

ЛУМИР.- За пределами земными. Созданной из всех тех, кто погиб за нее.

СИШЕЛЬ.- Без надежды.

ЛУМИР. - Погибших без всякой надежды.

Пауза.

СИШЕЛЬ. -Что касается вас, вы будите жить в удовольствии в этом прекрасном имении под солнцем Алжира.

ЛУМИР. - Но вначале я должна отвезти эти деньги по назначению.

СИШЕЛЬ. - Разве так уж верно, что вы оттуда вернетесь?

ЛУМИР(*смотря ей прямо в глаза*).- Возможно.

Пауза.

СИШЕЛЬ (*в задумчивости, опустив глаза*).- У вас есть еще отчизна здесь, на земле. Есть еще место, которое по праву принадлежит вам, и никому другому, вас никто не выкорчевывал.

А для нас, евреев, нет на земле места, пусть даже величиной с золотую монету,

На которое мы могли бы ступить и сказать: это наша земля, это мы, мы у себя дома, это было создано для нас. Наш только Бог.

Какая однако единственная в своем роде история! Взятие Иерусалима (Господи! Какое кому дело до Иерусалима?).

И из-за этого среди всех живущих на земле людей нет ни одного, помимо моих соплеменников, кто взял бы меня за руку и сказал бы по собственной воле: « Иди ко мне. Будь моей. Ты жена мне».

Нас отвергли, и из отвергнутости этой мы созданы.

Я знаю, да, была еще эта другой история, и тот, другой...
(*Указывает на распятие, не смотря на него*).

Ну, что же, это же не единственная судебная ошибка, что была совершена.

И была ли это в самом деле ошибка? Могли ли мы и дальше страдать от того, что он выдает себя за Бога? Это кощунство, говорит мой отец.

И к тому же ложь, потому что Бога нет.

ЛУМИР- Его кровь пала на вас. Кровь! Великое это дело, кровь. Вы должны поговорить на эту тему с моей тетушкой, уж она в этом разбирается.

В ту пору, как она считает, для вас это было как бы повторным рождением, зачатием поверх зачатия, вторым первородным грехом, сводящим на нет благословение Авраама.

СИШЕЛЬ.- Все это провинциальный мистицизм в духе Гродно! Что вы можете знать о крови?

Мы начали свое существование раньше вас, мы-первородные.

Что вы значите в сравнении с нами? Когда вы можете обосновать свою родословную десятью поколениями, с кровью перемешанной хуже, чем у собак,

Вы называете себя аристократами! Лишь мы одни можем похвастаться чистотой крови, по прямой линии со дня сотворения мира!

Это нам вы обязаны всем, и вы нас же отвергаете.

ЛУМИР. - Я не хочу иного происхождения, я не отвергну мой род.

СИШЕЛЬ. - А я, я хочу отвергнуть мой, я хочу вырвать себя из этого гетто, в котором нас удушают!

Мои предки верили в Бога и ждали пришествия Мессии.

Такова их роль со дня сотворения мира, и она неизменна и поныне- в стороне от всех, прямо стоят они под деревом с семью ветвями, одержимые в своей вере и в своем уповании!

А я, я не верю в Бога, и уповаю только на саму себя, и уверена, что есть лишь одна жизнь.

Я- женщина, и я хочу получить мое место вместе со всем остальным человечеством, и ради этого я готова сделать что угодно и что угодно отдать, и всех предать! И мне нужно поторопиться!

Думаете, меня и в самом деле интересует ваша Польша? Радуйтесь, что одной границей меньше.

Нет ни Польши, ни иудаизма, ни Бога, есть только живые мужчины и женщины, и одни права для всех!

Бога нет, и нечего ждать Спасителя, он обманул нас, и все наши чаяния были напрасны.

Поэтому для меня только все существующее имеет смысл, и я не собираюсь быть исключенной из него.

ЛУМИР. - Никто не оспаривает у вас вашего пэра Франции.

СИШЕЛЬ. - Почему же тогда вы здесь?

ЛУМИР. - Только от вас зависит, чтобы я уехала.

СИШЕЛЬ. - Нет. Господин граф в том возрасте, когда ему хочется, чтобы его любили ради него самого.

И вы от него всего добьетесь, он ведь любитель женщин, как настоящий француз!

Всего, кроме денег.

Фи! Даже не заикайтесь о деньгах, это же так низко!

ЛУМИР. - Сисьель, если я получу эти деньги, мои по праву, я обещаю не возвращаться в Алжир.

Видите, я прекрасно вас поняла.

СИШЕЛЬ. - Я не знаю, что вы хотите сказать.

ЛУМИР. - Вы сами толкаете меня на это!

Я говорю, что получу эти деньги
Любым способом. Они будут мои.

И я говорю также, что для вас опасно, если я останусь.

СИШЕЛЬ. - Что вы собираетесь делать?

ЛУМИР. - Думаете, мне недоступно проникнуть в сердце такого
отца, как господин граф?

В конце концов я невеста его сына.

СИШЕЛЬ. - И в самом деле, я только что убедилась, как вы его
любите!

ЛУМИР. - Честь и долг превыше всего.

СИШЕЛЬ. - Так это честь и долг толкают вас соблазнять старого
дурака ?

ЛУМИР. - Да.

СИШЕЛЬ. - И предать того, кто вас любит?

ЛУМИР. - Покажите мне письма, которые капитан писал вам.

СИШЕЛЬ. - Я думаю, что он вас искренне любит.

ЛУМИР. - Я тоже его люблю.

СИШЕЛЬ. - Не настолько, как эти десять тысяч франков, которые
вы стремитесь вернуть.

ЛУМИР. - Я ему их дала.

СИШЕЛЬ. - Одолжили.

ЛУМИР. - Я дала ему мою жизнь.

СИШЕЛЬ. - Одолжили за большие проценты.

ЛУМИР. - Мы для него и так много сделали. У меня нет больше
морального права быть щедрой по отношению к этому французу.

Это ведь мой брат спас ему жизнь, вынесся на себе из
пролома во время осады Константина.

И это я потом выхаживала его.

И это также мы с братом помогали ему в начале
распахивать землю, и я же вела хозяйство.

Теперь моего брата нет больше в живых и другие
обязанности призывают меня.

СИШЕЛЬ. - Я вовсе не нахожу вас такой уж красивой.

ЛУМИР. - Достаточно, чтобы меня взяли замуж.

СИШЕЛЬ. - Какие у вас глаза! Когда вы их опускаете, вы становитесь непроницаемы настолько, что кажется, вы уже не здесь.

Но чаще всего они спокойны и неподвижны, как у ребенка, и такие серьезные, что даже господин граф приходит в замешательство.

Но когда они чернеют и завлакиваются гневом, и сквозь них проступает тлеющий в глубине души огонь...

Именно за эти глаза он и полюбил вас.

ЛУМИР. - Вы ошибаетесь. Он любит меня не из-за глаз.

Пауза.

СИШЕЛЬ. - Лумир, граф стар, и я нахожу, что он уже достаточно пожил.

ЛУМИР- Дай Бог, чтобы и его судьба, и эти несправедливо прибранные им деньги оказались в моих руках!

СИШЕЛЬ. - Или в моих, да будет так! Не мертвым же вечно погребать живых!

ЛУМИР. - Но он жив, и мы ничего не можем изменить.

СИШЕЛЬ. - Гораздо больше, чем вы можете предположить.

ЛУМИР. - Вы толкаете меня на преступление?

СИШЕЛЬ. - Я не назову это преступлением. Когда другой отказывается платить по долгу, он тем самым расторгает любой возможный договор между нами, и мы оказываемся в состоянии войны.

И тогда каждому остается использовать любое имеющееся у него оружие, на свой страх и риск.

И если граф в одну прекрасную ночь получит пулю в лоб, кого это удивит? Он безжалостен с браконьерами, и все слуги его ненавидят.

Лумир (с полуулыбкой).- Тогда расправьтесь с ним сами!

СИШЕЛЬ. - Любой может это сделать, только не я.

И к тому же я женщина.

ЛУМИР. - Я тоже не могу.

СИШЕЛЬ. - Это верно. Но есть другие способы. Я его изучила, вот уже два года, как мне нечем иным заняться, кроме как разглядывать его.

Он стар. И он боится, боится смерти.

Он еще куражится, но врач говорит, что пружина, приводящая в движение этот огромный каркас, подточена.

Вы видели, какая у него тонкая кожа на голове?

И под ней уже проглядывает череп мертвеца:

Тот же желтоватый оттенок, как в охапке срезанных цветов у дома садовника.

Немного насилия, чуточку переживаний, и хлоп, коробочка лопнула!

Он это знает, и оттого боится. А с человеком, который боится, можно сделать что угодно.

Почти все люди чего-нибудь боятся.

Поэтому он и не осмеливается меня прогнать.

ЛУМИР. - Трогательный союз!

СИШЕЛЬ. - Вы полагаете, он взял меня к себе из любви? Вовсе нет, и никогда вы не догадаетесь об истинной причине! Он это сделал исключительно чтобы помешать мне заниматься музыкой!

Он совершенно неспособен сопротивляться присущей ему склонности к розыгрышам и поддевкам.

Я была пианисткой, известной во всем мире, вы знаете мое имя. Можете ли вы представить, что в течение двух лет он не разрешает мне даже притронуться к инструменту?

Я его счетовод и он держит меня в рабстве, как в древности сынов Израилевых.

Вначале я думала, что он женится на мне, но очень быстро вынуждена была отказаться от этой чарующей надежды.

Убеждена, что он согласится умереть, только если будет уверен, что таким образом подложит кому-нибудь свинью.

И кстати, я не могу вытянуть из него ни гроша: для себя самой не более, чем для вас.

ЛУМИР. - Пусть он умрет, и вам останется сын.

СИШЕЛЬ. - А вам Святая Польша!

ЛУМИР. - Я совершила преступление и должна его искупить.

Мы с братом одолжили эти деньги, трижды священные.

Теперь мой долг их вернуть.

До тех пор, пока я их не верну, я ни о чем другом думать не имею права.

СИШЕЛЬ. - Я полагаю, мы друг друга поняли?

Следуйте вашей стратегии, а я буду следовать моей, у меня тоже есть кой-какие козыри, итак, мы обе вместе против покойника.

СЦЕНА II.

ТЮРЕЛЮР. – Ну и кто там говорит о покойнике?

СИШЕЛЬ. - Мы обсуждаем принципы игры в вист и как раз вчерашний случай: сильные и слабые карты «покойника»

ТЮРЕЛЮР.- Вот те на! Бедный я в окружении двух таких опытных игроков, как вы!

Вы меня здорово обыграли вчера и низвели прямо- таки до посмешища, оставив с одними онерами.

СИШЕЛЬ. - Господин граф, вы как всегда не поступились своими онерами, то есть честью.

ТЮРЕЛЮР.- Чудно! Чудно сказано! «Честь превыше всего», это мой девиз.

«Любовь превыше всего», «Toujours l'amour», как говорил король Вестфалии, поднимая свой бокал.

А немцы переиначили на свой манер, получилось «Schorlemorle», освежающая смесь белого вина и сельтерской воды.

СИШЕЛЬ.- Я вас оставлю. Полагаю, что графиня Лумир хотела бы поговорить с вами.

ТЮРЕЛЮР.- Дорогая графиня! Как это мило с вашей стороны посетить меня в этом скромном жилище! Какое печальное гостеприимство!

Стены еще крепкие, и я имел глупость приказать починить крышу два года тому назад, но все равно дом в запустении.

Посмотрите на эти стопки книг, от которых я никак не могу отделаться. Только за то, чтобы довести их до Реймса, с меня возьмут больше, чем они стоят. Так что придется разжигать ими огонь.

Ну ладно! Все это изменится с появлением машин и железной дороги. Видите, вот этот пруд там, наверху, своего рода плотина, которую монахи придумали для разведения рыб, даст мне двигательную силу.

Ах, все это мне стоит дорого, это точно.

Я даже вынужден был продать наше родовое поместье, и это знаете ли тяжело.

Ваш отец заключил удачную сделку, СИШЕЛЬ! Он пользуется моим несчастьем.

СИШЕЛЬ. - Все уже подписано?

ТЮРЕЛЮР. - Ну, не совсем еще. Он хотел ознакомиться с некоторыми чертежами, получить дополнительные гарантии. Ах, какой осмотрительный человек!

Вы с ним знакомы, графиня?

Ему уже представилась возможность оказать услугу нашему бедному капитану.

ЛУМИР. - Капитан ему признателен за это.

ТЮРЕЛЮР. - Я знаю.

СИШЕЛЬ. – Лумир!- вы позволите называть вас так? Разве я не ваш будущий отец? Вы же можете полюбить немного старого папочку?

Как я рад видеть вас обеих вот так по-дружески беседующих между собой!

Лумир, эта миниатюрная женщина будет вам сестрой.

А для меня она была чистым ангелом! Нет, в самом деле! Ангелом по интуиции, которую она проявляла во всех моих делах, при этом у нее в последнем мизинце больше силы, чем в курке карабина!

И тот же дар в музыке, какая артистка, если бы вы только ее слышали! Подумать только, что я больше не могу добиться от нее даже приоткрыть пианино!

Искусство было первой связующей ниточкой между нами.

Если бы вы только слышали, что вытворяет разбушевавшееся пианино под ее железными пальчиками, как будто на вас обрушивается ураган нот, так что отчетлива слышна каждая!

И в особенности маленький пальчик в окончании каждой руки, маленький стальной пальчик, который с такой быстротой и неожиданностью пробегает по всем клавишам одновременно, что кажется он обладает неумолимой вездесущностью.

Я был восхищен! И сказал себе : «Ты должен сделать из этого маленького пальчика своего министра и верховного Правителя старого Тюрелюра!».

Ну и вот! Теперь ей одной удастся извлечь из моей стариковской души все, что осталось в ней музыки.

СИШЕЛЬ.- Дорогой граф!

Дорогой Туссен!-Прощайте, Лумир! Смелее! А вы, Туссен, я прошу вас, сделайте для нее все, что сможете! Я так люблю этого беднягу Луи.

Она уходит.

Сцена III

ТЮРЕЛЮР (**отправляя ей воздушный поцелуй**).- Прощайте, милая! –Прощай, стерва, чтоб ты сдохла!

Теперь я в вашем распоряжении, мадемуазель, и готов вас выслушать.

ЛУМИР.- Боюсь, что я не вовремя приехала, день праздника, да еще у вас сейчас столько забот дополнительных.

ТЮРЕЛЮР .- Занят я всегда. А церемония открытия все равно закончилась.

Вот там, видите, поезд, украшенный листвой и флагами, увозит в Париж моих отдыхающих после застолья гостей. Ах, мы живем в великую эпоху!

Какой подъем кирок по всей Франции! Какое муравьиное кишение тачек!

Четыре других железнодорожных ветки, подобно нашей, разойдутся от столицы до самых удаленных уголков страны

Позволив нашим согражданам за несколько часов собраться вместе на одном и том же форуме.

ЛУМИР. - Южная ветка уже дошла до Лиона, и таким образом ваш сын сможет оказаться здесь через несколько часов.

ТЮРЕЛЮР. - Как! Он все ж таки **собрамшись**?

ЛУМИР.- Не знаю, у меня нет от него никаких вестей.

ТЮРЕЛЮР. - Я же ему советовал оставаться там! Я же просил вас написать ему. Он нам здесь не нужен.

ЛУМИР. - Я написала.

ТЮРЕЛЮР. - Мне нечего ему сказать! Я не хочу его видеть.

ЛУМИР. - Я расцениваю это как благоприятный знак для моего ходатайства.

Тюрелюр(*сухо*). - Опять эти десять тысяч франков?

ЛУМИР. - Двадцать тысяч, пожалуйста!

ТЮРЕЛЮР. - Двадцать тысяч, милостивый государь? Как вы милы в этом длинном мужском сюртуке!

ЛУМИР. - Ему предстоит большая выплата по займу. Если не заплатит, все его имущество пойдет с молотка.

ТЮРЕЛЮР. - Неужели его дела до такой степени плохи? Эти ростовщики - настоящие арабы!

ЛУМИР. - Ходят слухи, что вы с ними заодно. Именно таким образом вы вернули себе имущество его матери.

ТЮРЕЛЮР. - Это неправда, я хочу сказать это правда. Но что здесь дурного?

Куфонтен не принадлежит ни ему, ни мне.

Это семейная вотчина. Что дурного в том, что я хотел уберечь ее от сумасбродств мота?

ЛУМИР. - Не толкайте его к отчаянию.

ТЮРЕЛЮР. - Ему остается армия. Он всегда найдет там подобающий ему ранг.

Какого черта, я все-таки ему отец! Я его люблю. Объясните ему хорошенько, что я его люблю. И очень интересуюсь его продвижением по службе.

ЛУМИР. - А он просит от вас денег.

Тюрелюр (*с отвлечением*). - Денег, ах!

ЛУМИР. - Он готов дать вам восемь процентов.

ТЮРЕЛЮР. - Нет! Поощрять его в этой абсурдной затее значило бы оказать ему плохую услугу. В Алжире ему делать нечего.

Денег не дам.

ЛУМИР(*опустив глаза*). - Я хотела бы получить и мои тоже.

Тюрелюр. - Это не я брал у вас в долг.

ЛУМИР(*подняв на него глаза*). - Сделайте это ради меня, господин граф!

ТЮРЕЛЮР. - Вот так-то лучше. Мне такой тон больше нравится.

ЛУМИР. - Я не представляла себе, что вы такой злой.

ТЮРЕЛЮР. - Сто раз нет. Я очень добрый человек. Мягкий, мягкий, даже мягкотелый. Размазня, наподобие тыквенного пюре.

ЛУМИР.- Шутки шутками, а это даже более правдоподобно, чем вам кажется.

ТЮРЕЛЮР.- Как? Разве я не внушаю вам страха? Мне всегда говорили, что я похож на волка.

ЛУМИР(*с нежностью*).- Я нахожу скорее что у вас взгляд кроткий, как у ягненка. Настоящий барашек из Шампани. А нижняя часть лица такая смешная!

Губы у вас как две марионетки, бегущие наперегонки, которые выдают все ваши мысли, тогда как вы сами об этом и не догадываетесь.

ТЮРЕЛЮР.(*обиженный*).- Спасибо. Вы забыли с кем вы разговариваете.

ЛУМИР.- Господин граф, я знаю, чем я вам обязана.

ТЮРЕЛЮР.- И что я вам ничем не обязан.

ЛУМИР. - Я не требую от вас никаких обязательств передо мной.

ТЮРЕЛЮР. - Мадемуазель моя дочь, милая малышка, лучше мне сразу вырвать из вашей головки некоторые идеи.

Эти десять тысяч франков я вам не верну.

ЛУМИР. - Вы позволили мне надеяться на иное.

ТЮРЕЛЮР. - Политика Его Величества изменилась.

ЛУМИР. - Как! Так это вопрос политики?

ТЮРЕЛЮР. - Давеча мы были не в лучших отношениях с вашим законным монархом

Я имею в виду русского царя.

И всех устраивал славный маленький заговор в Варшаве... Ей-богу, не так уж плохо было немного подразнить его острием пики.

ЛУМИР. - И при случае можно было заслужить благодарность моего законного монарха

Дав ему несколько доброжелательных советов.

ТЮРЕЛЮР. - Совершенно справедливо. Ну так вот. Наша политика изменилась. Польша нас больше не интересует. Все эти люди всего лишь заговорщики.

ЛУМИР. - Как и герои Трех Славных дней Июльской революции?

ТЮРЕЛЮР.- Вечная слава этим нашим защитникам Конституции!

ЛУМИР. - Вы уважаете законы?

Тюрелюр .- Каждому своя роль. Моя заключается в том, чтобы их издавать.

ЛУМИР. - Прекрасно. Мне не остается ничего иного, как уехать.

ТЮРЕЛЮР. - Куда же?

ЛУМИР. - Туда, где я должна держать ответ за моего брата и за меня.

ТЮРЕЛЮР. - И вы бросите вашего жениха?

ЛУМИР. - Он не настолько уж мой жених. Есть обязательства более важные для меня.

ТЮРЕЛЮР. - Это вы освободите Польшу, так ведь?

ЛУМИР. - Да я.

ТЮРЕЛЮР. - Царю осталось только зарезервировать себе маленькую виллу на берегах Женевского озера, что-нибудь в духе пениона «mit frühstück », так сказать с завтраком. Потому что наша мадемуазель собирается в поход, грозна как целая армия.

ЛУМИР. - Настал мой день.

ТЮРЕЛЮР. - Посмотрите-ка на нее, это она со своими наивными голубыми глазами и ручками, спрятанными в муфте «под кролика», положит на лопатки три Империи .

(Она впилась в него глазами)

Ну, что вы на меня так уставились своими глазами, которые ничего не выражают и совершенно не в состоянии что-либо понять? Никогда не знаешь о чем на самом деле вы думаете.

ЛУМИР. - Верните мне деньги!

ТЮРЕЛЮР.- Нет!

ЛУМИР.- Вы полагаете, что у меня не достаточно врагов, помимо вас?

ТЮРЕЛЮР .- Я не враг вам.

ЛУМИР. – Нет, не враг.

Господин граф, так ли уж много найдется в вашем окружении людей, которые способны сказать вам: «Тюрелюр, я верю в вас?»

ТЮРЕЛЮР.- Ах, лисичка! Как ты умеешь найти слабое место старика!

ЛУМИР. - Я в самом деле должна уехать?

ТЮРЕЛЮР. - Нет!

ЛУМИР. - Граф, вы богаты, а у меня нет ничего, и даже те крохи, которые оставались, мне не принадлежали.

ТЮРЕЛЮР.- Наш Луи оказался отменным плутом!

ЛУМИР. - Деньги бедных женщин- потому что именно они организовали сбор средств,- последние сбережения матерей и вдов, приданное девушек, хлеб сирот, слезы и кровь изгнанников и мучеников! Ни одной копейки не вымазанной в крови!

ТЮРЕЛЮР . - И все пошло на распашку плантаций ююба в Митидже.

ЛУМИР. -Это подло так меня обокрасть, пользуясь моей слабостью.

ТЮРЕЛЮР. - Я вас не обкрадывал!

ЛУМИР. - ...Как если бы взрослый мужик обокрал маленькую девочку, вытащив у нее из мешочка ломтик хлеба!

ТЮРЕЛЮР.- Да ничего я у вас не крал, чурбан вы этакий! И капитану я помогал, пока мог. Мне тоже он должен деньги.

ЛУМИР. - Верните мне мои деньги, господин баран, и будем считать, что вы больше ничего не должны.

ТЮРЕЛЮР. -Но в этом случае он разорен, и вы не сможете выйти за него замуж.

ЛУМИР(*опустив глаза*).- Естественно, я не могу выйти за него замуж без денег.

ТЮРЕЛЮР . -Так вы его не любите?

ЛУМИР. - Моя жизнь слишком коротка, чтобы мне так уж привязываться к какому бы то ни было мужчине.

ТЮРЕЛЮР . - Вы правы. Он вас не любит. У него слишком много идей на уме.

ЛУМИР. - Я такая молоденькая, мне было лестно, что он нуждался во мне.

ТЮРЕЛЮР .- Другие тоже могут нуждаться в вас!

ЛУМИР. - Тогда дайте мне возможность им помочь.

ТЮРЕЛЮР.- Речь идет о ком-то, кто находится совсем близко.

ЛУМИР. - Кто же это?

ТЮРЕЛЮР.- К чему рассуждать о короткотечности жизни, и вызывать в памяти все эти героические мрачные образы, которые обожают дети ? Какого черта! Жизнь прекрасна!

ЛУМИР. - Я могу остаться только при условии, что вместо меня туда

будут отправлены деньги.

Тюрелюр(строго).- Лумир, ответьте мне. Вы в самом деле любите вашу родину?

ЛУМИР. - Не знаю. Я никогда не задавала себе этот вопрос.

Тюрелюр .- Ну хорошо, все-таки вы значите больше для вашей страны, чем эти десять тысяч франков! В жизни есть вещи поважнее, чем быть честным!

В жизни есть занятия поинтереснее, когда вы такая молодая, нежели вот так глупо умереть, как в школьных текстах по латыни, или иначе, позволив заковать себя в кандалы.

Когда вы позволите похоронить себя живой в Буфарике, среди огромного поля лука-порая,

Вы поверите, что ничего лучшего с вами не могло случиться?

ЛУМИР. - С меня большего не просят.

Тюрелюр .- Луи не из нашей породы. Он не Куфонтен. Он никогда не знал, что такое быть Куфонтеном! Он думает только о своих платежах.

А я вас понимаю, мадемуазель. Моя старая кровь закипает, когда я слушаю вас. Какого черта! В конце концов это все-таки мы сделали революцию.

ЛУМИР. - Это Революция сделала вас.

ТЮРЕЛЮР.-Я не скажу нет. Но все это меня больше не забавляет. И однако, скажем откровенно, слово чести, были славные моменты.

Когда Его величество выходит из Тюильри, под барабанный бой, в окружении всего двора и новых хозяев Франции ах, это красивое зрелище!

Можно увидеть прогуливающимися бок о бок царубийц, ренегатов из дворян, владельцев заводов, судей-янсенистов, дюжину старых рогоносцев Империи, выбравшихся со всех полей сражений, философа Виктора Кузена,

И посреди король французов собственной персоной, который руководит нами с достоинством начальника ведомства и улыбкой банкира, не совсем уверенного в своих капиталах.

Да тут заключено полвека французской истории! Сами Их Величество тоже отметились в ней несколькими забавными эпизодами.

Все это право стоит Консульских парадов X года
Республики на площади Карусели!

ЛУМИР. - Вы и есть Франция?

ТЮРЕЛЮР. - Верно, в настоящий момент я и есть Франция,
почему бы нет?

ЛУМИР. - А я, я Польша, без единого друга.

ТЮРЕЛЮР.- Не говорите этого, мадемуазель! Черт возьми, вы
меня расстраиваете.

ЛУМИР. - Единственного друга, которого я имела, и того у меня
отобрали.

ТЮРЕЛЮР. - Только от вас, мой солдатик, зависит заполучить
другого на его место!

ЛУМИР. - Я не совсем вас поняла.

ТЮРЕЛЮР.(с трогательной интонацией).- Послушайте меня,
мадемуазель. Я стар. Мне хочется чувств. Простите мне мое
волнение.

ЛУМИР. - Какой вы смешной! (Она улыбается).

ТЮРЕЛЮР. - Я как Франция. Никто меня не понимает.

ЛУМИР. - А почему собственно вам хочется, чтобы я вас
понимала?

Тюрелюр .- Разве моя вина в том, что я пэр Франции, и Граф, и
Маршал, и кавалер всяческих орденов, и еще президент того, и
министр этого, и еще черт знает чего!

Вы думаете, я бы не предпочел совсем иное?

Ведь это не я сам по себе великий и ужасный, просто другие
настолько глупы и жалки, что отдают вам все еще до того, как у
них попросишь!

Наша жизнь - комедия, где стоит лишь играть свою роль с
нахальством, и тогда при известном знании законов подмостков
можно все себе позволить.

Но есть кое-что поинтереснее, чем разыгрывать комедию!

Вы думает, я бы не предпочел совсем иное?

Это как Франция, когда она бросалась на Версаль или на
Лувр.

Вовсе не хлеба требовала она, не хлебом единым жив народ!

Нет, она хотела картечи, и свинца, и сильных ударов
наездника под ребра!

Такой жеребец, как Франция, должен быть молодым и страстным, и он любит чувствовать крепкую руку своего наездника!

Надобно иметь крепкие шенкеля, когда тебе оказана честь сжимать между ног подобного зверя, это тебе не теленок.

А этот толстяк Людовик, который сидел у него на храпе, Едва только он начал пригарцовывать тихонечко, повалился наземь без единого звука и сопротивления, как огромный тюфяк с хлопком.

Что еще оставалось с ним сделать, кроме как отрубить голову? Судите сами.

ЛУМИР. - Но что собственно вы хотите, чтобы я сказала?

Тюрелюр. - Надо сказать: это хорошо.

ЛУМИР. - Это хорошо, господин граф, это отменно хорошо!

ТЮРЕЛЮР. - Ладно. Так где я остановился? Ах да, моя жена.

Моя первая жена, и единственная, потому что Сишель, это не серьезно. О, это была настоящая святая, упокой Господи ее душу!

ЛУМИР. - Синь де Куфонтен.

ТЮРЕЛЮР. - Повторите-ка. Как вы сказали?

ЛУМИР. - Синь де Куфонтен.

ТЮРЕЛЮР.(**понижая голос**).- Синь де Куфонтен. Как странно звучит здесь, в этой комнате.

Ах, мы были так славно ладящими супругами все время нашего брака.

Увы, чересчур короткого! Всего 11 месяцев, из которых девять в разлуке. Ни единого слова между нами. Какая мягкость была в ее манерах,

И какое презрение в глазах, когда она соглашалась посмотреть на меня.

ЛУМИР. - Мне кое-что рассказали об этом.

ТЮРЕЛЮР.- Она была несомненно лучше меня, но это же не повод для презрения.

Есть люди, которые не знают ничего, кроме презрения, но какая от него польза? Презрение- маска для слабых.

Сильный человек не станет презирать. Он пользуется всем.

ЛУМИР. -Ну, что же, значит она была слабее вас, вы ей это здорово доказали.

ТЮРЕЛЮР. - Не надо быть слабейшим рядом со мной. Это скверно.

ЛУМИР. - Я предупрежу об этом Сишель.

ТЮРЕЛЮР. - Ах, ей бы очень хотелось быть сильнейшей, но у нее ничего не выходит, оттого она бесится!

Стоит мне посмотреть на нее определенным образом, она приходит в смущение и скрывается.

ЛУМИР. - А я, я вас не боюсь!

ТЮРЕЛЮР. - Я знаю, и это восхитительно. В вашем горячем и стойком сердечке, в вашей верной душе есть место только одному- единственному чувству.

То, чему учили вас благородные представители вашего рода, отец, брат,

Только то и существует для вас, а все остальные, не принадлежащие Священному Роду,

Для вас одинаково безразличны. Я прав?

ЛУМИР. - Несчастные предпочитают оставаться среди своих.

ТЮРЕЛЮР. - Ну что же, представители вашего Священного так сказать Рода так славно ладили между собой в былые времена,

Что вынуждены были для примирения искать какого-нибудь принца на стороне, абсолютно не способного их понять. Никогда еще поляк сам не мог справиться с Польшей.

ЛУМИР. -И что означает этот аполог?

Тюрелюр . - Отдайте мне вашу руку, и я подставлю вам свое плечо.

ЛУМИР- Еще одна ваша шуточка.

ТЮРЕЛЮР. - Да, это шутка, но шутка серьезная.

Вы видите у своих ног крупного предпринимателя Французской Нации.

Маршала, Графа де Куфонтен, Председателя Совета Министров.

Используйте его по вашему усмотрению.

ЛУМИР. - Какое счастье для меня, господин граф!

ТЮРЕЛЮР.- Знаете, что мне больше всего в вас нравится?

Спокойствие, которое я читаю в ваших голубых глазах,

Целомудрие веры столь чистой, что никакое препятствие не способно ее затронуть, восхитительная глупость юности!

Слава богу, я еще не умер!

Есть еще время совершить какое-нибудь огромное безрассудство прежде, чем умереть, и поставить моих белых коней на службу моего капитана!

ЛУМИР. - Вы говорите всерьез?

ТЮРЕЛЮР. - А вы сами как думаете?

ЛУМИР. - Да, я думаю, что всерьез.

ТЮРЕЛЮР. - Какой лучший прощальный привет моей эпохе и Святому Союзу Святых Монархий я мог бы придумать,

Нежели вот так подбросить им, прежде чем исчезнуть, эту славненькую горящую головешку!

Баба, любая баба, когда вбила себе что-нибудь в голову, это такая сила, что стоит только ей умело воспользоваться, и можно разжечь пламя на всех четырех сторонах света!

ЛУМИР. - Ответьте мне, я для вас все-таки не любая?

ТЮРЕЛЮР. - Нет, Лумир. Ах, посмотрите на меня так еще!

Господи, какая вы молодая! Молодая и опасная одновременно, но именно опасность я в вас и люблю.

Заставьте меня забыть смерть! Заставьте меня забыть время! Позвольте мне позабыть самого себя!

Воспользуйтесь той частью меня самого, которая была создана, чтобы служить другому, и которой никто еще не нашел применения!

Заклучим тесный союз между нами!

ЛУМИР. - И вы вернете мне мои десять тысяч франков?

ТЮРЕЛЮР. - На следующий день после нашей свадьбы!

Со всеми процентами, мой ангелочек, (*припевая*):

Со сложными процентами, мое золотое маслице !

ЛУМИР. - А что скажет Сишель?

ТЮРЕЛЮР.- Я не боюсь Сишель!

Берет ее за руку.

Входит Сишель.

ЛУМИР(*глядя прямо на Сишель и не разжимая руки, тогда как Тюрелюр пытается высвободиться, с самой любезной улыбкой, вполголоса*). - Какой вы старый! Какой вы мерзкий!

Ах, я предпочту тысячу раз умереть, чем принадлежать вам!

И не вздумайте меня пугать.

СЦЕНА IV.

СИШЕЛЬ. - Господин граф...

ТЮРЕЛЮР. - Вы были здесь?

СИШЕЛЬ. - Господин граф, хозяин постоянного двора По Дэтан в Фисме...

ТЮРЕЛЮР. - К черту его!

СИШЕЛЬ. - ... говорит, что он получил телеграмму из Парижа. От кого-то, кто хочет вас навестить. Срочно. И просит приготовить для него лошадей.

ТЮРЕЛЮР. - Кем подписана телеграмма?

СИШЕЛЬ. - Связь была прервана из-за тумана.

ТЮРЕЛЮР. - Это случаем не Луи?

СИШЕЛЬ. - Да нет, кто мог его предупредить?

ТЮРЕЛЮР. - Предупредить о чем, я вас спрашиваю? Не о чем совершенно его предупреждать.

ЛУМИР. - Луи приехал! Какое счастье!

ТЮРЕЛЮР. - Нет, мадемуазель, прошу прощения, но это вовсе не счастье!

СИШЕЛЬ. - Гросолей, хозяин постоянного двора, не нашел свободную упряжку. Я думаю, что поступила правильно, приказав послать наш экипаж.

ТЮРЕЛЮР. - Вы очень неправильно поступили. Кобыла старая и легко бы обошлась без этих пятнадцати километров под дождем.

СИШЕЛЬ. - В самом деле, вы должны бы были купить другую.

Тюрелюр (*мрачно*). - Я тоже стар.

ЛУМИР. - Прощайте, я пойду распорядиться, чтобы приготовили комнату для Луи. - Прощайте, господин граф!

Выходит.

СЦЕНА V

СИШЕЛЬ. - Очаровательное дитя! И какой из нее вышел красивый паж в этом мужском костюме! Я с радостью отмечаю, что вы в превосходных отношениях.

Она получила, что хотела.

ТЮРЕЛЮР. - От меня всегда можно добиться чего хочется.

СИШЕЛЬ. - Когда знаешь как взяться.

Тирелюр.- Кто сказал Луи приехать?

СИШЕЛЬ. - Но я не уверена, что он приезжает.

Тирелюр.- Надеюсь, что нет. Я ненавижу ссоры и сцены насилия. Для меня это опаснее всего.

СИШЕЛЬ. - Вы его боитесь?

ТЮРЕЛЮР.- Я стар и не люблю насилие.

СИШЕЛЬ. - Чего вам опасаться, если Лумир встретит его первой с добрыми вестями?

ТЮРЕЛЮР.- Моя дорогая девочка, ты в самом деле веришь, что я позволил окрутить себя?

СИШЕЛЬ. - Даже больше, чем ты себе представляешь, мой старый Туссен!

ТЮРЕЛЮР.- Когда он меня убьет, ему не достанется от меня ни одного су!

СИШЕЛЬ. - Ну же, дай ему эти десять тысяч франков!

ТЮРЕЛЮР. - Когда он меня убьет, ему не достанется от меня ни одного су!

СИШЕЛЬ. - Он и не думает убивать своего отца.

ТЮРЕЛЮР. - Еще посмотрим, кто сдохнет первым.

СИШЕЛЬ. - Все же вы старше его.

Он сухо смеется.

СИШЕЛЬ. - Ну же, рассказывай старый волк, и не притворяйся идиотом.

ТЮРЕЛЮР. - Ты слышала ее последние слова?

СИШЕЛЬ. - Да, они были не слишком приятными, хотя и справедливыми.

ТЮРЕЛЮР.- Я полагаю, она их сказала специально для тебя.

Мне даже показалось, что она при этом слегка сжимала мне руку.

СИШЕЛЬ. - Так что, ты теперь мне объявляешь о своей женитьбе?

ТЮРЕЛЮР. - Кто знает?

Смеется.

СИШЕЛЬ. -Это то, что ты собираешься предъявить сыну?

ТЮРЕЛЮР. - Или написать ему, когда он уедет.

СИШЕЛЬ. - Возраст делает людей глупцами.

ТЮРЕЛЮР. -Некоторая доля глупости не бесполезна для большей привлекательности существования.

СИШЕЛЬ. -Нет, ты свою долю уже получил!

ТЮРЕЛЮР. - Эта безнравственная связь с еврейкой повисла тяжелым грузом на моей совести.

СИШЕЛЬ. - Твоей совести?

ТЮРЕЛЮР.- Моей совести. У меня наконец открылись глаза.

Я виноват перед вами. Я вас соблазнил.

СИШЕЛЬ- Это верно. Я не смогла вам сопротивляться.

ТЮРЕЛЮР. -Я тоже. Я также разбил вашу артистическую карьеру.

Ах, я очень сильно виноват перед вами! И лучший способ для меня признать ее означает не пытаться ее загладить.

СИШЕЛЬ. - Это очень чувствительный удар для меня.

ТЮРЕЛЮР.- Вы видите, как я им пронзен насквозь.

СИШЕЛЬ. -Я правильно сказала, что возраст сделал тебя глупцом.

ТЮРЕЛЮР.- Есть надежда, что он сделает тебя вежливее.

СИШЕЛЬ. -Ты будешь жить вечно, не правда ли?

ТЮРЕЛЮР.- Я желаю этого изо всех сил. Опыт научил меня, что я переживу вас всех.

СИШЕЛЬ. - Это мнение не разделяет твой доктор...

ТЮРЕЛЮР.- Я найду ему замену.

СИШЕЛЬ. -...Ни твой сын.

ТЮРЕЛЮР.- Ему придется свыкнуться с этой мыслью.

СИШЕЛЬ. - Если ты умрешь после того, как женишься на этой малышке, если ты умрешь, я повторяю...

ТЮРЕЛЮР.- Я хорошо расслышал! Нет смысла повторять!

СИШЕЛЬ. - Я говорю, что если ты умрешь...

ТЮРЕЛЮР. -Нет, я не умру.

СИШЕЛЬ. -Ты оставишь богатую наследницу.

ТЮРЕЛЮР. -Он не сможет на ней жениться. Закон это запрещает!

СИШЕЛЬ. - Ба!

ТЮРЕЛЮР. - Мне не нравятся гипотезы, для которых отправной точкой является мое исчезновение.

СИШЕЛЬ. - Я уверена, что вы еще не сделали никаких распоряжений на этот счет.

ТЮРЕЛЮР.- У меня еще будет время об этом подумать.

СИШЕЛЬ. - В этом случае все отойдет вашему сыну.

ТЮРЕЛЮР. -Нет, это было бы слишком глупо!

СИШЕЛЬ. - Или же вы оставите все свой супруге, оставшейся в живых.

ТЮРЕЛЮР.- У меня будет с ней ребенок.

СИШЕЛЬ. - Возможно.

ТЮРЕЛЮР.- У нас их будет трое. Я прочел это в ее глазах.

СИШЕЛЬ. - Да уж точно!

ТЮРЕЛЮР.- И это не будет такое скрещивание, как у нас с тобой.

СИШЕЛЬ. - Только не давай ей слишком большой заинтересованности в твоём исчезновении.

ТЮРЕЛЮР.- Именно поэтому я хочу подстраховаться.

СИШЕЛЬ. - Не ставь себя в положение зависимости от нее.

ТЮРЕЛЮР. - Я верю, что заставлю полюбить меня эту малышку.

СИШЕЛЬ. - Малышку и ее любовника.

ТЮРЕЛЮР.- Иди к черту!

СИШЕЛЬ. - Какой ты простак! Ее приезд, не правда ли, это вещь сама по себе разумеющаяся?

И столь же самим по себе разумеющимся следует считать внезапное вторжение, как в театре, военного, с оружием в руках появившегося именно в назначенном месте.

ТЮРЕЛЮР.- Я спрашиваю себя, зачем он сюда приезжает.

СИШЕЛЬ. - Он приезжает потребовать свои десять тысяч франков, плюс другие десять тысяч, в которых у него крайняя необходимость.

ТЮРЕЛЮР. - Ровно та сумма, которую я получил от твоего отца.

СИШЕЛЬ. - Кто мог его предупредить? Все время задаюсь этим вопросом.

ТЮРЕЛЮР.- Да ты, отравка!

СИШЕЛЬ. - Возможно. Но я думаю, что все гораздо проще.

ТЮРЕЛЮР.-Ты думаешь, что это их общий заговор?

СИШЕЛЬ. - Да, господин граф, я вынуждена думать именно так.

Он хочет получить свою часть тут же, а остальное потом.

ТЮРЕЛЮР.- Ну что же, придется ему отдать эти двадцать тысяч франков.

СИШЕЛЬ. - Да, но в этом случае она свободна и может обойтись без вас.

ТЮРЕЛЮР.-Ну что ж, тогда я ему их не отдам.

СИШЕЛЬ. - Но тогда вы его толкаете на крайность, а это не безопасно!

ТЮРЕЛЮР.-Ну что ж, тогда я не стану его дожидаться, и тотчас отбываю в Париж.

СИШЕЛЬ. -Это невозможно. Я отправила экипаж в Фисм.

ТЮРЕЛЮР.- Я в ловушке! Мне остается только принять удар.

СИШЕЛЬ. - И предпринять действия, которые я вам сейчас предложу.

ТЮРЕЛЮР. (*ухмыляясь*).- Будь спокойна, ты будешь учтена в моем завещании.

СИШЕЛЬ. - Речь идет не о завещании, но о своего рода страховке.

Пауза.

ТЮРЕЛЮР. - В твою пользу, теперь я начинаю понимать.

СИШЕЛЬ. - Предположим, что мы найдем способ перевести все ваше состояние на мое имя?

ТЮРЕЛЮР.- Это мысль.

СИШЕЛЬ. - Отнимите у них все основания желать вашего исчезновения.

Пауза.

ТЮРЕЛЮР. -Сишель, ты полагаешь, он хочет меня убить?

СИШЕЛЬ. - А что бы вы сделали на его месте?

ТЮРЕЛЮР.- Мне не нравится его физиономия. Я бы желал, чтобы он умер.

СИШЕЛЬ. - Верните ему его женщину и его деньги.

ТЮРЕЛЮР.- Нет, я их ему не отдам.

СИШЕЛЬ. -В таком случае защищайтесь.

ТЮРЕЛЮР.- Ужасная это вещь, смерть.

СИШЕЛЬ. - Да нет, это очень простая вещь.

ТЮРЕЛЮР.-Ты не знаешь того, что знаю я.

Снаружи доносится шум подъехавшего

экипажа.

СИШЕЛЬ. - Мне кажется, я слышу шум экипажа.

ТЮРЕЛЮР.- Я боюсь смерти.

АКТ II

Сцена Первая.

Та же самая комната, на следующий день.

Вокруг накрытого стола сидят Тюрелюр, Капитан, Али, Сишель, Лумир, заканчивают ужин. Несмотря на то, что еще день, все ставни закрыты, посреди стола горят два подсвечника.

ТЮРЕЛЮР(*наливая сыну вина*).- Капитан, мой Капитан, что вы скажите об этом вине из Бузи?

ЛУИ.- Узнаю его. Такую же точно бутылку мы вместе с вами распили в день моего отъезда в Алжир.

ТЮРЕЛЮР.- Это вино с предгорий Реймса, то самое, что пил еще Жан де Лафонтен с месье Пинтрелем, владельцем Вильнева.

Оно еще не утратило крепости и развязывает ноги подобно бургундскому.

Напоминает добропорядочного буржуа, но не лишено аристократической изысканности.

ЛУИ. - За ваше здоровье, отец!

ТЮРЕЛЮР.- За здоровье присутствующих дам!

Оба пьют.

ЛУИ. - Какая радость вновь оказаться у себя дома! Вы правильно сделали, отец, что приказали закрыть все ставни. Так еще больше чувствуешь себя в семейном кругу.

ТЮРЕЛЮР.- В моем возрасте бокал вина стоит того, чтобы распробовать его не торопясь. Неизвестно не будет ли он последним.

Я вовсе не пренебрегаю и бургундским, но именно это вино в моем возрасте нужно смаковать в одиночестве.

Одна из тех величественных старых бутылок, которые приносят после обеда, и вы еще часа два будете не спеша наслаждаться,

Предаваясь мечтаниям и пронзительным воспоминаниям, пока законно не допьете ее до конца.

АЛИ.- Что до меня, пью только воду, как предписал мой доктор.

ЛУИ.- Чепуха все это! За ваше здоровье, господин Хабенихтс!

АЛИ.- За ваше, мой капитан!

Пьет воду.

ЛУИ(*приложив руку к сердцу*).- Wohl bekommen!³ За здоровье моего благодетеля!

АЛИ.- Всегда к вашим услугам.

ЛУИ.- И не беспокойтесь. Платежи по займу будут вам выплачены в срок.

Али.- Я в этом абсолютно уверен! Я в этом абсолютно уверен!

ТЮРЕЛЮР.- Вот и ладно! Нет ничего лучшего, чем хороший обед, чтобы всех примирить между собой.

Что касается лично меня, то я счастливейший из людей между моим почти что тестем и моей почти что невесткой.

АЛИ.- Вы уже начали работы?

ТЮРЕЛЮР.- Мы начали копать котлован для колеса

Прямо посреди монастырского кладбища.

Сколько костей повынимали, вы не поверите!

Две телеги, и еще целая куча осталась.

А в центре мы нашли и вычистили колодец, оставшийся еще с римской эпохи, своего рода священный колодец, знаете, как те, где разводили змей.

И вот там, на самой глубине мы обнаружили бронзового Меркурия.

АЛИ.- Обязательно покажите мне его. Я любитель всех этих божков.

ЛУИ.(*указывая на Христа*).- Вы должны обязательно избавить нас и от этого.

Это не тот предмет, что следует хранить у себя.

ЛУМИР. - Если бы у меня было такое родовое владение, как это, я бы не стала превращать его в фабрику.

ЛУИ. - Отчего же? Надо идти в ногу со временем.

СИШЕЛЬ. - Лумир права. Фабрику можно построить где угодно. Но комплекс вроде этого...

АЛИ. - Комплекс -это не по-французски.

СИШЕЛЬ. - Смешно, но когда я вас вижу, не могу удержаться, чтобы не говорить по-немецки.

Я хотела сказать, что ансамбль вроде этого, с его колокольнями, погребами, чердаками,

Неповторим. Жалко его портить.

³ За ваше здоровье ! (нем.)

Он производит такое сильное впечатление. Атмосфера как в романах. Все старинное, подлинное. Теперь так уже не строят. Али.- Also⁴! Меня не ставят в известность, но вот ведь только за извлеченный уже аж отовсюду свинец,

Вы заработали десять тысяч франков.

ТЮРЕЛЮР.—Врут.

Пьет.

Луи.- Теперь и железная дорога пройдет через Куфонтен.

Осталось только снести домишко и все распродать.

Какая нелепость так держаться за эту старую землю, когда так много других земель, еще совсем новых и горячих, которые принесут вам все, что вы желаете!

Али.- Финики.

ТЮРЕЛЮР.- Фиги.

Луи.- Земля там тучная, сочная! Как только вы выкорчевали карликовые пальмы и всякую гадость,

Плуг входит в нее бесшумно, подобно сабле, разрубающей торговца арахисом! И на такую глубину, что и конца не видать.

И она урождает пшеницу, налитую, как чистое олово, и виноград на всех лозах, как связки кишок.

ТЮРЕЛЮР.- Нет другой земли, кроме земли Франции.

Али.- Год пшеница, год свекла. Пшеница, свекла. Снова пшеница, снова свекла. И вечно пшеница, и беспрестанно свекла.

Три процента в урожайные годы. И все налоги, которые надо платить, и вся проклятая лавчонка Правительства на вашем горбу.

Это не вы владеете землей, это земля вас всасывает в себя, всего лишь еще один клубень свеклы среди других.

ТЮРЕЛЮР.- Почему же тогда вы тогда так жаждете купить землю моего «Непоколебимого»?

СИШЕЛЬ. - Нет зрелища более печального, чем поле свеклы.

ЛУМИР. - Даже лошади спотыкаются.

Луи.- Вы абсолютно правы, папаша Али! И будем откровенны, ей богу, нет настоящей собственности кроме той, которую вы сами захватили, потому что вы так ее жаждали!

⁴ Итак ! (нем.)

Собственность, которую вы завоевали с оружием в руках, и готовы защищать оружейными выстрелами!

Чертова земля, от которой вас кидает в жар, а вы полны решимости все равно вырвать у нее все, что она не хочет отдавать!

ТЮРЕЛЮР.- Именно так и была завоевана Польша, хе, хе!

Али.- Изучайте историю. Не было иного выхода, кроме как разделить Польшу.

ТЮРЕЛЮР.- Уж эта мне злодейка Польша! Да, это она сама ввела в соблазн своих добродетельных соседей. Ах, это и есть самое большое ее преступление, которое невозможно простить!

Вы ничего не скажите, моя дорогая невестка?

ЛУМИР. - Я ищу свою сумку.

ТЮРЕЛЮР.- Вот она. Лежала под моей салфеткой. Какая тяжелая. Что вы там прячете?

ЛУМИР(*взяв в руки сумку*).- Два заряженных пистолета.

ТЮРЕЛЮР. -Выкиньте один из них и освободите место для моего сердца.

Ну что же, папаша Али, мне кажется самое время закончить с нашими делами и уладить все вместе.

Луи.- Отец, вы уже знаете, мне нужно срочно с вами поговорить.

Т.-Это так срочно?

Луи.- Да., это так срочно.

ТЮРЕЛЮР.-Ну что же, я в твоём распоряжении, как только закончу.

Тюрелюр, Али и Сишель выходят.

.

СЦЕНА II

Луи (*обращаясь к Лумир*).- Добрый вечер, мадемуазель.

ЛУМИР. - Жду ваших приказаний, мой капитан.

Луи. - Могли бы вы быть так любезны объяснить мне, что здесь происходит?

ЛУМИР. - Это СИШЕЛЬ попросила вас приехать?

Луи.- Она сама.

ЛУМИР. - Я знаю, что вы с ней переписываетесь.

Луи. - Да, и как вы видите, я немало этим пользуюсь.

ЛУМИР(*жестко*). - Луи, я просила у вашего отца эти деньги, что вы мне должны, и те тоже, что необходимы вам.

Я вела осаду старика со всех сторон и я думаю, что СИШЕЛЬ тоже старалась мне помочь как могла.

Все напрасно.

Луи. - Не стоило просить денег. Надо было предоставить ему возможность самому подарить их нам.

ЛУМИР. - Обмануть его нельзя. Он слишком хорошо осведомлен о нашей ситуации.

Луи. - Поэтому вы решили попробовать другой способ.

ЛУМИР. - Это правда. Он в самом деле вчера вечером хотел подарить мне свою руку.

Луи. - И вы собираетесь согласиться ?

ЛУМИР. - Это неотразимый мужчина.

Луи. - Что он вам предложил?

ЛУМИР. - Он хочет подставить мне свое плечо и предлагает сделаться генералом и крупным деятелем Польши.

Луи.(*смеясь взхлеб*). - Ах! Ах! Ах!

ЛУМИР. - Не правда ли смешно?

Луи. - Самый отменный негодяй оказывается в глубине души хранил запас благородных чувств,

И сожалеет, что никогда не давал им применения.

Как это ново.

ЛУМИР. - Вы полагаете, я неспособна им воспользоваться? Кто может знать?

Между стариком и молоденькой девушкой игра не на равных. Стоит только улыбнуться ему определенным образом, чем я и воспользовалась, и старик тут же поддался.

Старик и девушка! С руками, такими же сильными и нежными, как у смерти.

Луи. - Итак, мой отец забрал у меня все, и теперь еще хочет прибрать мою женщину!

ЛУМИР. - Так защитите ее.

Луи. - Лумир, это в конце концов смешно! Вы же не хотите заставить меня сказать, что я вас люблю.

Нет! Я пытался, но слова словно застревали во рту.

И в любом случае непросто высказать вам то, что хочется,

Вы, когда вам вздумается, умеете принять такой отсутствующий вид.

Но три наши жизни, моя, ваша и вашего брата, на протяжении долгих лет,

Да, на протяжении долгих лет были так связаны, в страдании, в борьбе, в чаяниях, в нищете!

Да, моя девочка, и тем тоже, что по эту сторону моря не считается абсолютной порядочностью... Порядочными людьми вроде моего отца.

Я так дорожу вами, мой недосягаемый прекрасный ангел, неразлучный мой спутник, разве возможно, чтобы мы расстались?

ЛУМИР. - Это не моя вина.

Луи. - Вы спасли мне жизнь.

ЛУМИР. - По вашему, этого достаточно, чтобы дать вам все права на меня?

Луи. - Вы были всегда со мной, в грусти, в болезни, в неудачах.

Всегда спокойная, юная, сильная, предусмотрительная, всегда готовая через двадцать минут снова выступить в путь.

Ни было ни единого часа в вашем существовании в течение последних шести лет, который не был бы посвящен мне и моему благу.

И вы всегда верили в возможности Митиджи, ах, и это тоже связывало нас!

ЛУМИР. - Я также отдала вам все, что у меня было.

Луи. - Я помню.

ЛУМИР. - И то, чего не было, тоже: эти святые для меня десять тысяч.

Луи. - Я вам их отдам.

ЛУМИР. - Через месяц вас продадут с молотка, и все будет кончено.

Луи(*страстно*). - Моя земля не будет продана!

ЛУМИР. - 30-го истекает срок платежа.

Луи. - Я вам повторяю, что она не будет продана!

ЛУМИР. - Мир восстановлен, дороги построены, земля готова давать доход. Самое время для вашего отца и Али заняться этим поместьем.

Луи.- Не пытайтесь заставить меня потерять голову. В настоящий момент я приехал спасать не мою землю.

А вас, дитя мое, сестра моя, дева Лумир, *contessina*, мой маленький гусар!

Не говорите, что нет больше никого на свете, кто любит меня не из корыстных интересов.

Моя мать предпочла умереть, чем видеть меня, мой отец возненавидел меня от всего сердца едва я успел родиться.

Я помню его пристальный взгляд, с которым он наблюдал за каждым моим движением.

Всегда предельно учтивый. Всегда разговаривавший со мной, как со взрослым.

И тогда я возмечтал, что где-то есть другой ребенок, который стал бы моим товарищем, и принадлежал только мне, только потому, что он меня любит сильнее всех.

Кто-то, кто бы мог меня выслушать и верить в меня,

Кто-то с вашим лицом, которое может быть и не столь красиво, но никакое другое не может для меня сравниться с ним в очаровании, и оно так много может мне рассказать такого, что мне не дано понять,

Спутник, который обнимет вас, и вдруг признается трепетным голосом, что он -женщина, это друг

Единственный, и другого не нужно.

ЛУМИР(*опустив глаза*).- Да, я была всем этим для вас. Не думайте, что я безразлична.

Луи.-Однако ты собираешься продаться моему врагу, моему отцу, который меня породил.

Из всех моих врагов вы предпочли выбрать именно этого?

ЛУМИР. - Луи, вы преувеличиваете, я все-таки существовала еще до того, как встретила вас. И у меня тоже до того, как появились вы,

Был отец, создавший меня.

Луи.- Но вы любили его.

ЛУМИР. - Мой отец, мой брат и я.

Луи.- И весь мир может исчезнуть.

ЛУМИР. -Мой брат, мой отец! Оба умерли, и я осталась одна, но мы составляем единое целое.

Луи.- Но я хочу взять в жену только вас, а не вашего брата и отца.

ЛУМИР. - Я неотделима от них. Мой отец вместе с нами! Его руки обнимают меня, и я прижимаюсь головой к его плечу!

У меня никогда не было иной родины, кроме него! Его лицо, его глаза, его крайняя бедность,

Его слезы, я видела и их тоже, его восхитительные вспышки гнева, как у воина на поле битвы, его сердце, бьющееся в унисон с сердцем его ребенка!

А эти деньги, к которым даже умирая с голоду, он не прикасался, потому что это была казна его отчизны, и эта горстка родной земли, которую он всегда хранил под своей потертой курткой, неужели я все это забуду?

Мы с ним составляем одно целое. Кто берет меня, берет нас обоих!

Какая иная отчизна может быть у меня, кроме глаз моего отца, когда он прижимал меня к себе?

Я осталась одна.

Луи.- Нет, ведь есть еще и я, такой же одинокий, как и вы. Оставим прошлое в прошлом.

Нет лучшей родины, чем та, которую мы создаем себе сами.

Что значит Польша? Мы оба достаточно сильны для солнца Африки.

ЛУМИР. - За мной тянется след, который даже море не в силах рассеять.

Польша для меня как та кровавая полоса на снегу, которую я видела, когда мы вынуждены были бежать,

Выгнанные из нашей страны другим, победителем,

Эта полоса в снегу, навсегда!

Я была совсем маленькая еще, и забивалась от холода в меха отцовской накидки.

Я помню собрание, ночью, когда только началось восстание.

Отец вытащил меня из кроватки и принес в комнату, где были одни военные, все шляхтичи,

И поставил меня, как он любил это делать, ножками на свои сильные руки,

Такую всю прямую в моей длинной белой рубашке, с разметавшимися волосами,

Как маленькая статуя Надежды и Победы!

И все эти гордые воины вокруг меня, с обнаженными саблями, кричали мне: Ура!

Луи.-Ну и что бы произошло, если бы они победили? Такая же точно страна, как та, где мы сейчас находимся.

Газеты, министры, парламент и все другие невыразимо отвратительные ведомства,

Игра интересов, общественное мнение, подъем экономики. Взятки, нефтеперерабатывающие заводы, акционерные общества.

А над вами такие личности, как Гуссен Тюрелюр и Али Хабенихтс.

Вы думаете, что я себя считаю сыном или соотечественником таких людей? Нет иной отчизны кроме себя самого.

Польше не удалось отвоевать независимость? Тем лучше! На свете и без того найдется много других таких же родин!

ЛУМИР. - Вы говорите как СИШЕЛЬ.

Луи.- Ее отец стоит моего.

Л (*с нежностью*).- Когда я выйду за него замуж...

Луи.- Вы сказали?

ЛУМИР. - Когда я выйду замуж за графа де Куфонтена, вашего отца...

Луи.- Вы будите абсолютно очаровательной мачехой.

ЛУМИР. - Я говорю, что когда я выйду замуж за вашего отца, Я буду к вам добра, Луи!

Мы будем интересоваться вами. Мы вложим немного денег в ваши сельскохозяйственные угодья. Мы даже будем рекомендовать вас Губернатору.

Луи.-Это замечательно. Тем не менее до этого кое-что может еще случиться.

ЛУМИР. -Кое-что? Ты совершенно не способен что-либо совершить, трус!

Луи.-Я не трус!

ЛУМИР. -Ты хочешь получить женщину, и ты не способен защитить ее!

Ты мужчина или нет? Ты позволишь ему до конца растоптать себя? Ты позволишь, чтобы этот старый труп вечно ездил на тебе верхом?

Не достаточно, что он захватил всю твою собственность? Твою собственность, которую ты добыл своим трудом, и к которой он не имеет никакого отношения!

А теперь он хочет прибрать твою женщину! Теперь он хочет отобрать меня прямо у тебя под носом!

Луи.- Он тебя не получит.

ЛУМИР. - Он уже заполучил всю твою собственность. Он в этом году будет собирать твой виноград.

А тебе будет выплачивать по три франка в день за самую тяжелую работу и окуривание купоросом.

Луи.- Не своди меня с ума.

ЛУМИР. - А теперь он хочет взять твою женщину, и я в его власти.

Луи.-Он тебя еще не взял.

ЛУМИР. - Он меня еще не взял?

Поднимись, *hombge*⁵! Поднимись, говорю тебе!

Луи.- Горе тебе, если я поднимусь!

ЛУМИР. - Ты думаешь, что я боюсь, капитан? Капитан Луи-Наполеон-Тюрелюр Куфонтен!

Поднимись, поднимись, чтобы я увидела тебя! Куфонтен, Куфонтен...

Смеется взхлеб

Луи (*мрачно*).- *Adsum*⁶ .

Встает.

ЛУМИР.- Ты трус и я плюю тебе в лицо!

Пауза.

Луи (*тихо*). - Лумир, достаточно.

ЛУМИР(*вполголоса, бормочет сквозь зубы*).- Трус! Трус!

Луи.-Хватит с меня, маленькая бестия!

ЛУМИР(*тем же тоном*).- Отдай мне мои десять тысяч франков, вор!

Луи.-Замолчи и дай мне подумать.

⁵ (Исп). Мужчина. Возможно заменить на близкое по значению « кабальеро»

⁶ Coufontaine adsum- латинская формула старинного девиза рода Куфонтенов. Adsum в данном случае можно перевести через старославянское *Аз есмь*.

ЛУМИР. - Луи! Кабальеро! Слушай меня, солдат Иностранного Легиона!

Мы вместе служили в Африке, под чужими знаменами, за дело, которое было нам безразлично,

За честь нашего Корпуса,

Без друзей, без денег, без семьи, без хозяина, без Бога,

Полагая что это не слишком рабское дело, чтобы оплатить нашу тяжелую свободу!

Нам оставалась только честь!

Если бы Бог существовал,

Да. Если бы бог существовал

(Она смотрит на Распятие, и продолжает срывающимся от волнения голосом):

Если бы Бог существовал, то в начале всего был бы Бог, но существуют только солдаты все одинакового звания, и равенство людей, и товарищеский долг, и наша батарея Бесстрашных легионеров!

Честь существует!

Разве ты трус? Когда товарищ зовет тебя на помощь, разве не самый первый наш долг ответить ему? Потому что в мире больше никого нет, кроме нас.

Кто тебе твой отец? Что хорошего он сделал для тебя?

Когда в проломе Константина ты лежал на земле с тремя пулями в теле,

Разве мой брат размышлял стоит ли вытаскивать тебя оттуда на себе,

А когда ты стучал зубами от гнусной лихорадки в своей лачуге,

Разве оставила я другой выхаживать тебя? И когда ты мочился под себя, это я мыла тебя, как малого ребенка.

Кто, как не я, верил в тебя? Кто одолжил тебе деньги? Все деньги, которые у нас были, и наши, и не наши.

Без расписки, без процентов, как настоящие боевые друзья, славные товарищи, однополчане.

Мой брат, служивший под твоим командованием, погиб. Теперь я осталась одна.

Луи- Но ведь в конце концов не запрещено подумать как найти выход.

ЛУМИР. -Раздумывать нечего и выход только один.

Луи.- Меня охватывает отвращение при мысли, что я должен поднять руку на старика.

ЛУМИР (*мягко*). - Луи, спаси меня. Я совсем одна на свете.

Луи.- Ты в меня не веришь?

ЛУМИР. -Да, я верю в тебя.

Луи.- Дай мне сумку.

ЛУМИР(*протягивает к себе сумку и вынимает оттуда два пистолета*). – Будь осторожен!

Здесь два пистолета, один длинный, другой короткий.

Теперь слушай внимательно.

Короткий заряжен холостыми, там нет пули. Ты слушаешь?

Луи.- Короткий заряжен холостыми, там нет пули.

ЛУМИР. - Короткий, ты слышишь? Не ошибись.

Старик трусит. Я уверена, что достаточно его напугать, и нет необходимости прибегать к крайним мерам.

Он только что получил двадцать тысяч франков от Али. Об этом мне рассказала СИШЕЛЬ. Он наверняка хранит деньги при себе.

Он стар. И изношен. Кто знает, не хватит ли только сильного волнения? Это мысль, которую мне подала СИШЕЛЬ.

Она вместе со своим отцом находится сейчас в другом крыле дома.

Здесь никого не будет. Нам незачем ее опасаться.

Луи.- А второй пистолет?

ЛУМИР. - Второй заряжен пулей.

Луи.- Хорошо.

ЛУМИР. - Оба на предохранителе, но ты их можешь взвести одной рукой.

Луи.- Понятно.

ЛУМИР. - Я прячу пистолеты обратно в сумку.

Луи.- Положи ее вот здесь справа от меня.

ЛУМИР. - Смелей!

Она смотрит на него и улыбается. Потом выходит.

СЦЕНА III

Входит Тюрелюр..

ТЮРЕЛЮР.- Милостивый государь мой сын, теперь я ваш, все дела с Бар -Козибой улажены.

Господи! Что с нами стало бы, если бы я постоянно не заботился о вашем наследстве!

Он живо пытается завладеть сумкой, которую Лумир оставила на столе. Капитан отбирает ее. Молча смотрят друг на друга.

Луи.- Отец, отчего вы всегда стараетесь мне навредить? Отец, отчего вы воюете со мной?

Пусть так, вы одержали верх, и я готов пойти на мировую.

ТЮРЕЛЮР.- Ты мой единственный сын и мои чувства к тебе самого нежного интереса.

Луи.-Оставьте этот тон.

Тюрелюр .(*скрипя зубами*).- А ты, ты бы хотел отнять у меня жизнь, если бы мог!

Луи.- Почему вы стараетесь преградить мне дорогу повсюду, куда бы я не направлялся?

Тюрелюр .-Нечего было требовать с меня деньги вашей матери по совершеннолетию. Я не мог оставить тебя разбазаривать их.

И то, что ты разбрасывал, я должен был всегда быть рядом, чтобы собирать.

Луи.- Я не бросался деньгами, моя жизнь полна лишений. Я не был человеком праздным.

ТЮРЕЛЮР.- Ты человек несбыточных фантазий, всегда готовый отдать то, чем владеешь, ради того, чего нет.

Луи.- Я завоеватель. Кто меня вынудил к этому? У меня не было ни отца, ни матери. Все в жизни я должен был завоевывать сам.

ТЮРЕЛЮР.- Ты забыл о состоянии, которое ты получил от меня.

Луи.- Взял силой, отец, с помощью большого количества гербовой бумаги.

Тюрелюр .- Тогда не удивляйся, что я хочу его вернуть.

Луи.- Вы здесь не при чем. Это собственность моей матери, которую она восстановила ценой тяжелых трудов.

Тюрелюр .- Не при чем? Ты осмелишься сказать, что я не при чем на земле Куфонтенов?

Черт побери! Да я создан из нее, она у меня в крови! Что рядом со мной эти вечно отсутствовавшие графья, с кровью

перемешанной со всеми домами Франции и Европы, все эти выкидыши конезаводов и псарен?

Меня брала жалость видеть, как эта добрая старая земля Франции плавится и сгорает как масло на песке Африки!

Я больше Куфонтен, чем ты!

Луи.- Я ни Тюрелюр, ни Куфонтен.

ТЮРЕЛЮР.-Ты- Тюрелюр, нос и лоб мои.

А рот, тонкий, как прорисованный, ты взял от матери. В общем-то довольно заурядный рот.

Луи.- Так это из-за рта вы меня ненавидите?

ТЮРЕЛЮР.- Нет, из-за носа и лба.

Луи.- Любой отец гордился бы таким продолжением рода.

ТЮРЕЛЮР.- А что продолжать? Нет надобности в двух

Тюрелюрах. Я -то сам зачем тогда?

Луи.- Я не ТЮРЕЛЮР.

ТЮРЕЛЮР.- Ты ТЮРЕЛЮР. У тебя мое лицо, и в душе у тебя те же загибы.

Я тебе понимаю до конца, и только не говори, что ты меня не понимаешь точно также! Мы дышим в унисон.

Иначе ты не глядел бы на меня так сейчас (Ну ладно, я не желаю тебе зла). Отчего нам обоим не по себе.

Оттого что ты – Тюрелюр- победитель и наследник.

Не с чего здесь таять от любви и умиления. Что уж там! Я защищаюсь!

Луи.- Я нарочно оградился от вас морем.

ТЮРЕЛЮР.-Захватив с собой мое имущество.

Луи.- Вы же сами только что сказали, что вы его забрали назад.

ТЮРЕЛЮР.- Моя смерть вернет его тебе. Ненавижу людей заинтересованных в моей кончине.

Луи.- Ваша смерть меня не интересует. С тоской и любопытством я ищу встречи с вами, пока вы еще живы.

Почему вы с такой яростью защищаетесь, как если бы я вас держал за горло?

Я смотрю на вас, вы мне интересны, мне хочется знать из чего я создан.

Мой отец, мой родитель, объясните мне что происходит.

В вас было нечто незаконченное, что могло проявиться только через другого

Посредством этого другого, моей матери.

Я в самом деле похож на вас. Как если бы я сейчас видел вас впервые. Да, я вижу вас со всей полнотой, и даже мог бы нарисовать со всеми подробностями.

ТЮРЕЛЮР.- Что касается меня, то я не испытываю никакой необходимости тебя видеть.

ЛУИ.- Не правда ли, ребенок, он как другая ипостась нас самих, Которую мы можем наблюдать воочию,

Нас самих и одновременно он - другой, посторонний,
Сознание, существующее вне вас, которое дышит, двигает ногами и руками,

Живое следствие тебя, которое тебе больше не подвластно, папа!

ТЮРЕЛЮР.- По твоему, я должен был сделать из тебя главную цель моего существования?

ЛУИ.- А какой была цель вашего существования?

ТЮРЕЛЮР.- Какая цель может быть у пловца, кроме как не пойти ко дну? Ни о чем ином мы и размышлять не могли.

У нас ведь не было возможности уцепиться за какой-никакой плот! Не было времени плыть по течению на спине и греть брюхо под солнцем. Многие возле папаши Тюрелюра нахлебались как следует морской водицы.

Я вовсе не собирался прыгать в воду, это море само меня взяло, и больше уже никогда не покидало.

Я хотел жить.

И волн, величиной с горы! Нужно подниматься с ними заодно. И остерегаться, чтобы они не обрушились вам на голову, как телега с булыжниками. Каждый сам за себя и тем хуже для остальных.

ЛУИ.- Сейчас -то вы в сухом месте.

ТЮРЕЛЮР.- Да, и жду, что ты хочешь мне сказать.

ЛУИ.- Я знаю, что вы меня обложили со всех сторон.

Вы выслеживали меня издалека, с терпением охотника.

Все дороги вокруг меня перекрыты. Вы хорошо рассчитали, ни одну не позабыли.

И вы прекрасно знаете, я не смогу выполнить обязательства по займу 30-го.

Вследствие чего все мое имущество будет арестовано и распродано вашим напарником Хабенихстом.

ТЮРЕЛЮР.- Тебе остается армия, и хоть ты и дезертировал из нее,

Она всегда остается открытой для людей нашего происхождения.

И ты можешь всегда рассчитывать на меня для твоего продвижения по службе.

Для умеренного продвижения.

ЛУИ.- Арестовано и распродано.

ТЮРЕЛЮР.- Тебе останутся надежды.

ЛУИ.- Верно, мне останется надежда.

ТЮРЕЛЮР.*(напевая)*.- *Когда помрет папаша – кролик,*

Мне отойдут его штанишки !

Когда помрет папаша- кролик,

Мне отойдет его бельишко!

ЛУИ.- Я уступаю вам землю совсем мягкую, вычищенную, прекрасную землю без единого сорняка, чистую как девственница, вы не найдете ни одного корешка, ни одного камешка даже величиной с кулак.

И все это плод моего тяжелого труда, я едва не погиб там.

ТЮРЕЛЮР.- Я тебе открою секрет, мой мальчик! Мне наплевать на твою землю и на твой труд.

Ты всего лишь мужик, и ничего дальше своей плодоносной земли не видишь.

А мне слаще и привлекательнее совсем другое!

ЛУИ.- «Шапка жандарма», не так ли? Мои семь арпанов земли на берегу моря недалеко от Лагеря Зуавов?

ТЮРЕЛЮР.- Как ты точно угадал, мой малыш! Это для меня сплошная сладость!

Ах, какие славные товарные склады мы там построим, какая открывается перспектива для залоговых свидетельств!

ЛУИ.- И вы ничего не станете делать с моей землей в Митидже?

ТЮРЕЛЮР.- Абсолютно ничего, мой капитан! Зачем так напрягаться, когда стоит только ждать, сложа руки?

Если экономика страны начнет развиваться, мы воспользуемся трудом других.

ЛУИ.- Послушайте, отец, я у вас ничего не прошу, оставьте меня только управляющим на моей земле,

Я хотел сказать, на вашей.

ТЮРЕЛЮР.- Ни в коем случае, самое надежное вообще прекратить все расходы, застраховавшись от любого риска,-

Предоставим это любителям.

ЛУИ.- Это ваше предложение.

ТЮРЕЛЮР.- Да, мой сын, это мое предложение.

ЛУИ.- А вам никогда не приходило в голову, господин граф,

Что опасно доводить человека до отчаяния?

ТЮРЕЛЮР.- Я опасаясь только оптимистов.

Нет ничего безопаснее, чем отчаявшийся человек.

В особенности, когда вы вне пределов его досягаемости.

ЛУИ.(*притрагиваясь рукой к сумке*).- Вы не вне пределов моей досягаемости.

ТЮРЕЛЮР.- Луи, ты слишком похож на меня, ты не станешь поступать как Грибуй, по принципу «из огня да в полымя».

ЛУИ.- Я вам бы посоветовал не слишком на это надеяться. Ну-ка, посмотрите на меня, вы меня хорошо видите?

И не двигайтесь из-за стола, я запрещаю вам! Ни одного движения, ни руками, ни ногами, говорю вам! Смирно!

А, а, я вижу толстую выпуклость под вашим сюртуком. Это деньги, полученные вами от Хабенихтса?

ТЮРЕЛЮР.- Не делайте глупостей.

ЛУИ.- А вы не стройте из себя хищника, со мной это не пройдет, милостивый господин мой батюшка!

Хотите знать, что спрятано в этой сумочке?

(*Открывает сумку и вытаскивает два пистолета, которые тут же заряжает и аккуратно кладет перед собой.*)

ТЮРЕЛЮР.- Мальчишка, то что ты сейчас делаешь, это шутка довольно дурного вкуса.

Если ты выстрелишь, сюда войдут.

ЛУИ.- Все находятся в другом крыле здания

Стараниями Сисель.

ТЮРЕЛЮР.- Стараниями Сисель? Понимаю. Так это всерьез?

ЛУИ.- У меня нет возможности выбирать методы, я должен действовать, потому что я не свободен!

Отец, умоляю вас, поймите, нет никакой возможности отступить.

Я не свободен! Мне нужны эти деньги! Я должник!
Я должен эти деньги, и вынужден буду любой ценой их вернуть,
Или же я потеряю честь, и тогда я погиб! Тюрелюр

Повторяю вам, мне нужны эти деньги.

-Не двигайтесь!- Отец, вы забрали у меня все, что у меня было.
Тюрелюр .- У тебя ничегошеньки не было.

ЛУИ.- Оставьте все это себе.

ТЮРЕЛЮР.- Премного благодарствуем.

ЛУИ. - Но дайте мне эти десять тысяч франков.

ТЮРЕЛЮР.- Нет. И еще раз нет. Я тоже не могу, никак не могу тебе их дать.

ЛУИ.- Эти десять тысяч не принадлежат ни мне, ни вам, и даже не той, что мне их одолжила.

ТЮРЕЛЮР.- Ну, что же, она пошла на риск.

ЛУИ.- Я вас уверяю, что мне необходимы эти десять тысяч франков, и я их получу.- Да не суетитесь вы так, меня от вашего мельтешения начинает тошнить.

ТЮРЕЛЮР.- А знаешь что потом произойдет, олух ты этакий, если ты отдашь ей ее десять тысяч франков.

ЛУИ.- Мне все равно.

ТЮРЕЛЮР.- Думаешь она выйдет за тебя замуж, зная что ты разорен?

ЛУИ.- Я об этом не думал.

Тюрелюр .- Никогда, слышишь! Она сама мне об этом сказала.

ЛУИ.- Еще один довод, чтобы вы отдали мне эти деньги.

ТЮРЕЛЮР.- Она сбежит вместе с ними и все будет кончено.

ЛУИ.-А вам то какое до этого дела?

ТЮРЕЛЮР.- Разве ты не понимаешь, что как только мы отдадим ей эти деньги,

Мы тотчас потеряем всякую власть над ней. Это в твоих интересах не больше, чем в моих. Какое мне до этого дела, идиот несчастный?

Был бы я ее мужем, денег бы ей не давал иначе, как на оплату счетов!

ЛУИ.- Ее мужем?

ТЮРЕЛЮР.- А что? Ты считаешь что ты один на свете посреди своих плантаций ююбы, дикарь ты этакий!

ЛУИ.- Так значит все всерьез, и узнаю об этом из ваших уст.

Вы уже прихватили все мое имущество, и теперь ты хочешь увести мою женщину!

ТЮРЕЛЮР.- Так ведь ты сам отпускаешь ее.

ЛУИ.- Вы ей сделали предложение, не так ли?

ТЮРЕЛЮР.- Ну да, и был с треском отвергнут.

ЛУИ.- Тогда оставьте ее в покое!

ТЮРЕЛЮР.- Отказаться от того, что мне нужно? Я не могу, даже если бы захотел.

(Луи делает движение рукой).

Луи, сын мой, не убивай меня! Это все равно тебе ни к чему не послужит. Ты все равно не получишь моего состояния.

Подожди, я тебе объясню! У меня договоренность с СИШЕЛЬ, все теперь принадлежит ей, я видишь ли подстраховался.

ЛУИ.- Не провоцируйте меня!

ТЮРЕЛЮР.- Моя вина, я тут расхрабрился ни к чему. На самом деле я совсем другое хотел сказать! Я позволил себя втянуть.

Да. Я виноват перед тобой, дай мне немного времени, я сделаю, что ты захочешь!

Я вовсе не храбрый. Ты увидишь, как начинаешь цепляться за жизнь в старости! Каждый день в цене.

Не причиняй мне зла, Луи!

ЛУИ.- Отдайте мне эти десять тысяч франков.

ТЮРЕЛЮР.- Я не могу, Луи! Подожди немного! Сжался надо мной, мой мальчик! Мне невозможно сделать это.

ЛУИ.- Знаете ли вы, отец? Знаете ли вы, что она мне сказала?

Вы говорите, вы не свободны, но и я тоже, и она не больше нас.

Ей необходимы эти деньги, они ей не принадлежат, а у вас эти деньги есть.

ТЮРЕЛЮР.- Все чем я владею, стоит ей только захотеть, будет ее.

ЛУИ.- Ну что же, будьте довольны, она хочет. Да, если я не отдам ей этот вклад, которым она воспользовалась,

Она готова позволить вам жениться на ней.

ТЮРЕЛЮР.- Луи, это благая весть. За нее я тебе прощаю все остальное.

Она такая молодая, такая милая, настоящий солнечный луч в моей жизни.

А какой белизны у нее руки! Я засмотрелся на них на днях во время обеда. Мне нужны вот эти руки.

ЛУИ.- И вас все равно, что она выйдет за вас замуж только из необходимости?

Тюрелюр .- Необходимость порождает опасение, а у женщин это уже наполовину любовь.

ЛУИ. - И наполовину мудрость у старого греховодника!

ТЮРЕЛЮР.- Луи, ты не должен был мне говорить, что она хочет выйти за меня замуж.

ЛУИ.- Хочет, хочет. Вы тронули ее сердце.

Тюрелюр .- Ну что ты прикажешь мне теперь делать?

Раньше я бы тебе еще дал эти деньги, разбойник, даже если мне это тяжело.

ЛУИ.- Умереть еще тяжелее.

ТЮРЕЛЮР.(*с тяжелым вздохом*).- Ты прав, умереть еще тяжелее.

Но я не вижу другого выхода.

ЛУИ.-Будьте благоразумны.

ТЮРЕЛЮР.-Нет!

Ты можешь потребовать от француза что угодно, кроме одного: обратиться в каплуна и отказаться от женщины под принуждением.

Вот это невозможно! Вот это, никогда! Я- француз и ты не можешь требовать этого от меня.

Ты можешь убить своего отца, если хочешь.

ЛУИ.- Это ваше последнее слово?

ТЮРЕЛЮР. - Убей меня, если хочешь...

Нет, не убивай, мне страшно!

ЛУИ.- Деньги.

Тюрелюр .-Невозможно! Ты не веришь в Бога, Луи?

ЛУИ.-Нет не верю.

ТЮРЕЛЮР.- Я пропал, я окружен только людьми безжалостными!

Таков мой сын, и еще эти две женщины, подталкивающие меня к смерти с мрачной ухмылкой!

ЛУИ.- А вы- то сами верите?

ТЮРЕЛЮР.- Я верю! Я единственный верующий среди вас, и ваша дикость приводят меня в ужас!

Тебе не понять человека старой закалки.

Я верую всем сердцем! Я настоящий католик в духе Вольтера!

Нет, нет, это не шутка! Сын, мальчик мой, не убивай меня!

ЛУИ.(*прицеливаясь в него из двух пистолетов*).- Деньги!

Тюрелюр .(*у него зуб на зуб не попадает, еще пытается держаться*).- Нет. Это невозможно. Не убивай меня!

ЛУИ.- Деньги, вор!

ТЮРЕЛЮР.- Нет!

ЛУИ.-Мои деньги, вор! Мои деньги, вор! Мои десять тысяч франков, вор!

Тот знаком показывает «нет».

Луи стреляет одновременно из двух пистолетов.

И оба дают осечку. Тюрелюр на мгновение остается без движения, закатив глаза. Потом у него проваливается челюсть и он падает на ручку кресла.

Луи подходит к нему, расстегивает одежду, слушает сердце, шарит в карманах, берет деньги, и укладывает тело обратно в ту же позу. Сам остается стоять, скрестив руки, и пристально разглядывает Тюрелюра.

Входит Лумир.

Сцена IV

ЛУМИР. - Я больше ничего не слышала, и вошла.

ЛУИ.- Вы слушали под дверью?

ЛУМИР. -Да.

.(вполголоса)

Ты выстрелил?

ЛУИ.-Да.

Два выстрела сразу.

ЛУМИР. - Ну и?

ЛУИ.- Оба дали осечку.

ЛУМИР.- Но твой отец...

ЛУИ.- Умер. Да, он тем не менее умер. В самом деле умер.

Его ничтожное сердце остановилось.

ЛУМИР. -Однако странно, запалы были свежие, порох сухой и я умею заряжать.

ЛУИ.-Ты должно быть забыла продуть стволы. Это же старое оружие.

ЛУМИР. -Ты забрал у него деньги?

ЛУИ.- Они у меня.*(Отдает ей деньги)*. Вот десять тысяч франков. Нет надобности в расписках между нами.

ЛУМИР. -Луи, что я должна тебе сказать?

ЛУИ.-Я убил моего отца.

ЛУМИР. -Ты его убил. Это хорошо. Другого выхода не было.

ЛУИ.-Так было нужно. Я не свободен.

ЛУМИР. - Клянусь, что эти деньги принадлежат мне, и у него не было права удерживать их, и не в моей власти было оставить их ему.

ЛУИ.- Остается не думать об этом.

ЛУМИР. - Как он пожелтел! Как он смотрит на нас своими покрасневшими стариковскими глазами!

ЛУИ.-Не бойся. Он тебе ничего не сделает. Старый джентльмен совершенно спокоен и никогда еще не выглядел более достойно.

ЛУМИР. -Луи!

ЛУИ.- Ты думаешь, я сожалею о содеянном? С этим покончено, прошлого больше не существует, стоит только не думать обо всем этом.

У меня не было выбора.

ЛУМИР. - Ты выстрелил из двух пистолетов одновременно?

ЛУИ.- Да, манерничать не люблю.

Пересчитай свои деньги, а мне тоже нужно кое-что проверить.

Она считает купюры, в то время как он достает жомпол из длинного пистолета и опускает его в ствол короткого, выталкивая оттуда пулю, которую тут же подхватывает пальцами.

Лумир,

Первый пистолет тоже был заряжен.

Она поворачивается к нему лицом и смеется.

АКТ III
Сцена Первая

Та же комната, что и в предыдущих действиях.

При поднятии занавеса, Сишель и Лумир (на этот раз в платье) сидят каждая перед столиком и пишут под диктовку Луи, который ходит взад и вперед. Посреди комнаты, у другого стола сидит нотариус Отмороженный, его почти не видно за пачками бумаг и папок. Луи говорит и диктует одновременно всем троим.

С конца Второго акта прошло два дня.

ЛУИ.- Внимание, Сишель! Нашим самым красивым канцелярским почерком, девочка моя! И, пожалуйста, не испортите мне этот лист бумаги с позолоченным обрезаем, он у меня последний. Мы готовы?- Я продолжаю:

«...Среди тяжелых испытаний, выпавших мне, я нахожу большое утешение...»

(к Лумир:) Вы готовы, Лумир?

«Келлеру, в Буфарик»

(К Сишель:)

Это мой тамошний приятель, своего рода компаньон.

(к Лумир:) «Старина, посылаю тебе переводной вексель на сумму в 2.000 франков выданный на имя банка Дюмон, Зографос и Товарищество, по которому ты должен заплатить:

С красной строки

«По счету от 30 июня...»

(К Сишель:)

«...большое утешение в этом проявлении уважения и доверия, которые Его Величество не перестают оказывать...»

К Лумир)

« за...

1.000 фр

За 100 дней рабочим по 2 фр.50 в день 250 фр.

Счет Лапарра 380 фр.

Разные расходы Памятка

К Сишель:

«...моему отцу.»

К Люмир :

Подсчитайте сколько всего.

ЛУМИР- Незачем оставлять столько денег Келлеру.

Пропьет.

ЛУИ.-Ну и пусть выпьет за мое здоровье! Не каждый день теряешь отца. Как дела, господин Отмороженный?

ОТМОРОЖЕННЫЙ.- Не так то просто тут разобраться.

ЛУИ.-Простите, что позвал вас прийти так рано, но я не люблю, когда дела затягиваются. Церемония прощания с покойным назначена ровно на десять тридцать, скоро зазвонит церковный колокол

К вашим документам, Сишель!

« Позвольте засвидетельствовать лично вам, господин Секретарь, уверения в совершенном моем почтении и позвольте просить вас выразить Его Величеству...»

К Лумир:

А что касается этого бедолаги мальтийца, который нам надоедает...»

К Сишель:

«...Чувства признательности, преданности и глубокого уважения, с которыми я...»

С красной строки, и оставляешь пробел в одну строку.

К Лумир:

«...если тебе не удастся избавиться от него до моего возвращения...»

К Сишель:

«...Его Величества...»

СИШЕЛЬ. - Два раза Величество.

ЛУМИР. -Ну и что, ему это доставит удовольствие!

(Отправляет воздушный поцелуй портрету короля Луи-Филиппа)

К Сишель:

«...Его Величества...» Пробел в две строки, и далее маленькими буквами

К Лумир:

« ...Ты свинья...»

К Сишель:

« Самый покорный и послушный слуга.»

К Лумир:

«...Мой отец умер, у меня есть деньги чтобы оплатить в срок долговое обязательство. Я буду на месте 20.» Перечтите.

Ну, что там, господин Отмороженный?

ОТМОРОЖЕННЫЙ.- Насколько мне удалось разобраться в делах, распутаться в них будет нелегко.

У покойного графа была мания совершать сделки и спекулировать, но он в этих вопросах ничего не смыслил,

Опаслив был как старик, прост и прямодушен как дитя малое,

Изо всех сил плел сети, в которых сам потом и запутывался. Что говорить, солдат!

Да к тому же еще этот кризис на Бирже!

ЛУИ.(*гнусавым голосом, паясничая*)- Исходя из чего, если мы положим на одну чашу весов эту расписку, генеральную квитанцию о всех облигациях, обязательствах, долгах, вексельных поручительствах, участиях в доли, гарантиях и других вложениях капиталов

Что в день своей смерти мой отец получил от отца мадемуазель...

СИШЕЛЬ. - Плюс эта сумма в двадцать тысяч франков наличными, что мой отец ему заплатил.

ЛУИ.... И которой я позволил себе, имея на то крайнюю надобность, воспользоваться.

ОТМОРОЖЕННЫЙ.-...Если скажем себе, мы положим с одной стороны эту квитанцию...Какая своевременная мысль с его стороны, бедняга граф! Своего рода предчувствие конца. В самый день своей смерти! Хотел оставить все дела в порядке.

ЛУИ.- Если, с другой стороны, мы примем в счет эту фиксированную долговую расписку на триста тысяч франков, подлежащие оплате в два срока по 6 месяцев, которую мой вышеупомянутый отец в тот же день подписал в пользу вышеупомянутого отца мадемуазель...

ОТМОРОЖЕННЫЙ.- Я полагаю, что обе уравновесятся. Триста тысяч франков, это вся сила вашего актива. Получается чистый баланс.

ЛУИ.-Что до баланса, так уж точно абсолютное нетто. Ну да ладно, я этого ожидал.

К Сишель:

Мои поздравления, мадемуазель! А теперь дайте-ка мне все это, я подпишу.

Подписывает письма Сишель и Лумир.

ОТМОРОЖЕННЫЙ.- Естественно, можно все оспорить по суду. Некоторые документы довольно подозрительны: фиктивные счета, бумаги, помеченные задним числом.

Будет не так уж сложно составить солидное досье. А еще эти конфиденциальные приписки, изменяющие содержание основного документа. Но попробуйте доказать что все это нечисто.

ЛУИ.-Никаких доказательств, господин Отмороженный!
Я уполномочиваю вас все продать и все ликвидировать.

К Сишель:

Мы подтвердим нашу подпись.-

Выгодное дело для вашей нотариальной конторы.

Отмороженный.-Могу я еще в чем-нибудь быть вам полезным?

ЛУИ.-Мы переговорим еще, если вам будет угодно,
после похорон.

ОТМОРОЖЕННЫЙ.- Ваш покорный слуга, господин Граф!

Выходит.

Луи, *обращаясь к Сишель.*- Мой отец оставил вам хорошее приданное, мадемуазель.

СИШЕЛЬ.- Вы свою долю получили.

ЛУИ.-Долю вот именно, очень верное слово. Эти провидческие двадцать тысяч франков и вся Африка для меня одного!

СИШЕЛЬ. -И ваша невеста.

ЛУИ.-И моя невеста в придачу. В самом деле, черт побери! Я об этом не подумал. Нас ждет прекрасное будущее.

А теперь о делах серьезных. Ваш отец уже проснулся?

СИШЕЛЬ. - Я не знаю. Мне кажется, что он плохо спал эту ночь.

ЛУИ. -Еще не проснулся?

Пусть просыпается побыстрее. Все наверх! Он мне будет нужен через час. И отнесите ему эти траурные письма.

Передайте, что он может в ожидании позабавиться, подписывая адреса. Вот список.

Понятно?

Отдает ей бумаги. Она выходит.

СЦЕНА II .

Лумир (*откладывая свое перо*).- Я кое-что не понимаю.

ЛУИ.-Ты кое-что не понимаешь?

Что ты не понимаешь, мой ангелочек?

ЛУМИР. - Твой отец тебя боялся. Как он мог согласиться остаться с тобой наедине?

ЛУИ.- Он не мог поступить по-другому. Не мог противиться. Ему так хотелось до конца объясниться со мной, и видеть меня побежденным и униженным.

Добавим к этому, что он презирал меня.

Как увлекательно бросить мне вызов прямо в лицо, тогда как вся сумма при нем и согревает ему сердце.

Лумир.- Но как он мог подписать долговую расписку на триста тысяч франков?

ЛУИ. -Ба! Чего ему было опасаться со стороны Али?

Оба слишком связаны общими узами и интересами. Это своего рода страховка наоборот. Он хотел, чтобы мы его любили ради него самого. Оставалась только эта миленькая сумма в двадцать тысяч франков, с которой у него не хватило мужества расстаться.

ЛУМИР. - Все это находка Сишель.

ЛУИ. -Она ей делает честь.

ЛУМИР. -Он полагал, что если он оставит ей все свое состояние...

ЛУИ.-Это с одной стороны отняло бы у меня всякий повод желать его смерти...

ЛУМИР. - И с другой стороны, когда он умрет...

ЛУИ.-Это побудит меня жениться на ней. Да, именно, шуточка в его духе.

ЛУМИР. -Но ты же не любишь ее, Луи, ответь мне?

ЛУИ.-Конечно, contessina, ее одну.

(Обнимает ее)

Какие у вас щеки свежие, а руки ледяные.

(Делает вид, будто снова хочет ее обнять. Она слегка отстраняет его.)

Я вызываю у вас отвращение, Лумир?

ЛУМИР. - Мне вдруг показалось, что я увидела жестокий хищнический оскал вашего отца, такой глупый злой тараканище.

Нет, а теперь вы снова стали таким же - таким же, как раньше.

ЛУИ.- Лумир, я прошу вас больше не говорить мне о старике.

Да, я его убил, я убил моего отца, во всяком случае насколько это зависело от меня. В душе я был готов.

Что касается тягостных воспоминаний, вся сцена в замедленном темпе представляется мне каждую ночь и потом заново повторяется во сне.

Но я знаю, что это всего лишь вопрос твердости, терпения и времени.

ЛУМИР. -Каковы твои намерения?

ЛУИ.- Вернуться обратно в Алжир, и как можно скорее, нужно только здесь уладить все дела с ликвидацией имущества, чтобы оно перешло в руки к парочке.

ЛУМИР. -Без сожалений?

ЛУИ.-Сожаления? Пусть берут все! Для меня это облегчение.

ЛУМИР. -Итак, ничего не произошло?

ЛУИ.-Ничего не произошло.

ЛУМИР. - Ты возвращаешься в Алжир вместе со мной?

ЛУИ.- С тобой, если ты этого хочешь.

(Она смеется, опустив голову, и делает знак, что «нет»).

Нет? Ты не хочешь вернуться вместе со мной?

ЛУМИР. -Нет.

ЛУИ.-Ты хочешь ехать в Польшу?

ЛУМИР(*тихим голосом, как будто говорит сама с собой*).-

Да...в Польшу... ехать.

ЛУИ.- В любом случае, ты никогда не собиралась вернуться со мной в Алжир, не так ли?

(Она кивает головой)

Кто тебя зовет там, в этой твоей Польше?

ЛУМИР(*как если бы она была не здесь*).- Родственник заболевший вызывает меня.

ЛУИ.-Почему ты пытаешься мне лгать?

ЛУМИР. -Почему ты задаешь мне вопросы?

Пауза.

ЛУИ. -Лумир, что с тобой?

ЛУМИР. -Какое ужасное место, и еще этот дождь восемь дней льет безостановочно.

Огромный дом разоренный, лишившийся своих хозяев, мертвый...

И эта голая стена, и этот брошенный Христос, ожидающий, когда его унесут отсюда, тот, кто столько веков воплощал всю радость и все чаяния человечества,

Теперь вот так запросто убран со своего места и брошен у стены. Как если бы его забыли.

А место Иисуса Христа занял этот мерзкий идол, этот размалеванный старик, состоящий весь из щек и взбитого хохолка.

Как я здесь одинока! Великий Боже, как я одинока, какой я чувствую себя здесь чужой!

Все вокруг меня мне враждебно, и нигде нет места для меня. Весь мир вокруг меня кажется не замечает моего присутствия, я отсутствующая для него.

ЛУИ.- Поезжай со мной. Вернись вместе со мной в жизнь и в реальность.

ЛУМИР. -Реальность отсутствует. Подлинная жизнь отсутствует. Во всяком случае лично я пробуждена лишь на короткий миг.

ЛУИ.-Настоящая жизнь присутствует, а с ней то множество вещей, что предназначено нам совершить, и которые ждут нас, чтобы начать существовать.

Прошлое умерло, новая жизнь начинается, новая дорога расчищена для нас.

ЛУМИР. - Мне не по душе эта чужая земля.

ЛУИ.-Не может быть чужим то, что мы сами создали.

ЛУМИР. -Я никогда ничего не делала иначе, как из чувства преданности,

Моему брату, моему отцу. Оба умерли, я вернула эти деньги.

И теперь я свободна, я освобождена от всего, совсем одна в огромной вселенной!

Одна-одинешенька!

Луи(с горечью).- Там ждет нас отчизна.

ЛУМИР. - Без отца, без родины, без Бога, без дома, без имущества, без будущего, без любви!

Ничего вокруг, кроме бесконечного дождя, или этого слепящего солнца страшнее смерти

Что высвечивает вокруг меня лишь лики, бесплодные как песок, целое полчище бесплотных теней.

Поток захлестывает меня, и вокруг меня ни единого знакомого лица,

Ничего, кроме вечного шепота уст, невнятного шепота на чужом языке.

ЛУИ.-Лумир, я любил тебя когда-то, и я уверен, ты это знала.

ЛУМИР(*с едва заметной улыбкой*).- Когда-то?

ЛУИ.- Я тебя еще люблю.

ЛУМИР. - Нет, ты меня больше не любишь, я уже уехала.

Тебе и так всей души не хватит, чтобы вместить мысли о том, что ты совершил.

ЛУИ.- Ради этой Лумир.

ЛУМИР(*протягивает руку, чтобы коснуться его*).-Правда. О, бедный друг, о брат, как мне грустно за тебя.

ЛУИ.- Это из-за любви ко мне ты мне подстроила ловушку?

ЛУМИР.- Ты имеешь в виду мою маленькую ложь относительно первого пистолета, который на самом деле был заряжен?

ЛУИ.- Ты хотела непременно смерть для моего отца, а для меня преступление и эшафот.

ЛУМИР. - Я моложе тебя, и тем не менее это моя ближайшая участь.

ЛУИ.-Ты хотела отправить меня на смерть?

ЛУМИР. - Могла ли я оставить тебя этой женщине?

ЛУИ.- Я не хочу жениться на Сишель.

ЛУМИР. - А она хочет, и только это важно.

К тому же, все деньги теперь у нее.

ЛУИ.- Какое мне дело до денег?

ЛУМИР. -Большое. Мы слишком тяжело жили, ты и я, чтобы не знать цену деньгам.

ЛУИ.-Я вернул тебе твои деньги.

ЛУМИР. -Да, ты в расчете со мной. Мы оба в расчете.

ЛУИ.-Ты заставила меня совершить это преступление, и теперь меня бросаешь.

ЛУМИР. -Вовсе нет, тебе стоит только последовать за мной туда, куда следую я.

ЛУИ.-Ты прекрасно знаешь, что это невозможно, ведь все, что я затеял здесь, привязывает меня.

ЛУМИР. - Тебе грустно, что я уезжаю?

ЛУИ.- Нет, не грустно.

ЛУМИР. -В самом деле, не грустно? О, только не пытайся притворяться! Я все равно вижу детский страх в твоих глазах, от которого мне радостно, и волнение, которое приводит меня в смущение, и твою несчастную улыбку тоже вижу!

ЛУИ.- Со всем этим тоже я смогу покончить.

ЛУМИР. - Луи, неужели тебе так хочется жить без меня?

ЛУИ.- Не выводи меня из себя! Не смотри на меня с таким сострадающим и презрительным видом! Я предпочитаю твое безразличие.

ЛУМИР. - Нет, я не вернусь с тобой.

ЛУИ.- Разве не несчастье заставить себя выслушивать все это от женщины, которую запросто мог скрутить руками? Ты же знаешь, я сильнее тебя. Ну почему тогда ты не хочешь повиноваться мне? Это несправедливо.

Лумир.- Нет, я не вернусь с тобой.

ЛУИ. -Лумир, столько всего ждет нас впереди.

ЛУМИР. - Нет, ничего не ждет нас впереди.

Луи (*с нежностью*).- Остайся, я не могу обойтись без тебя.

ЛУМИР (*страстно*).- Это правда, ты не можешь обойтись без меня?

Повтори еще раз! Это правда, ты не можешь обойтись без меня? В самом деле? О, как несложно было произнести эти слова!

Совсем коротенькая фраза, но в ней заключено все счастье, выпавшее мне. Краткое счастье.

ЛУИ.- Оно будет долгим, если ты захочешь.

ЛУМИР. - Я не очень хороша собой. Если бы я была красивой, может быть еще стоило жить.

А я не умею одеваться. Я совсем не искушена в дамских премудростях.

Я всегда жила по-мальчишески. И всегда среди мужчин.

Посмотри как на мне сидит это платье, черти как.

ЛУИ.- Мне нравится и так.

Лумир.- Однако я все таки совсем недурна. Мне так хотелось, чтобы ты хоть раз увидел меня в настоящем красивом платье. Красного цвета.

ЛУИ.- Я люблю тебя такой как ты есть, «Котку мой»!

ЛУМИР. - Ну ладно, есть тысячи женщин как я, мне нет смысла жить.

ЛУИ.- Для меня существует лишь одна.

ЛУМИР. - Это правда, что для тебя существует лишь одна? О, я знаю, что это так! Ах, ты можешь говорить что хочешь! Но есть в тебе теперь нечто, созвучное моей душе, как если бы ты был мне братом!

Надрыв, тоска, пустота, которую ничто не в силах заполнить.

Ты теперь не похож на всех остальных людей. Навсегда один.

Никогда больше ты не сможешь изменить то, что ты совершил (тихо) отцеубийца!

Мы оба абсолютно одни посреди этой страшной пустыни.

Две живых души посреди небытия, способные наполнить друг друга,

И в единое мгновение, подобно взрыву, уничтожающему время, заменить собой друг для друга весь окружающий мир!

Разве не прекрасно не иметь перед собой никакого будущего? Ах, если бы жизнь была долгой,

Еще стоило быть счастливой. Но жизнь коротка и есть возможность сделать ее еще короче.

Такой короткой, что в ней уместится вся вечность!

ЛУИ.- Какое мне дело до вечности.

ЛУМИР. -Такой короткой, что в ней уместится вся вечность!

Такой короткой, что в ней уместится весь этот надоевший нам мир и счастье, о котором все только и мечтают!

Такой малюсенькой, сжатой, урезанной, сущностной, что в ней останется место только для нас двоих!

Ну что тебе эта Митиджа со всеми урожаями, которые превратятся в пыль, оставив лишь немного золота в твоих руках, что тебе весь этот мир, несоразмерный нам?

Поезжай вместе со мной, и ты будешь силой моей и опорой моей.

А я, когда будешь ты держать меня в объятиях своих, стану Отчизной твоей, некогда утерянной Сладостью, землей праотцев, древним Утешением!

В мире никого не существует, кроме тебя и меня, и этот единственный миг наконец, когда мы по-настоящему встретимся друг с другом!

Доступные наконец тайне, сокрытой в каждом из нас.

Есть способ вынуть душу из тела, как меч из ножен, с честью и славой, есть способ разрушить заслон.

Есть способ принять обет и полностью отдаться этому другому, единственно существующему.

С последней смелостью, вопреки страшной ночи и бесконечному дождю, вопреки окружающему нас небытию!

Отдаться полностью и полностью принять в себя другого!

Отдаться и принять в мгновение ока!

Принадлежать один другому, и ему одному!

ЛУИ.-Что ты от меня хочешь?

ЛУМИР.- Я хочу, чтобы ты уехал со мной туда, куда я направляюсь.

ЛУИ.-В Польшу?

ЛУМИР.- В Польшу и намного дальше, чем в Польшу. В обитель грусти, в Ур Халдейский, источник слез в сердце той, что ты любишь. Уедем вместе в ту страну, что даже ближе Польши.

ЛУИ.- Нет, Лумир.

Пауза

ЛУМИР. -Ну что ж. Бери в жены любовницу своего отца.

ЛУИ.-Ты на этом настаиваешь?

ЛУМИР. - Разве ты не виноват перед ней? Разве ты не лишил ее Тюрелюра, на которого у нее были все права?

Ты тоже Тюрелюр.

Ну чего уж там, я тебя хорошо знаю. Ты Тюрелюр. Ты настоящий француз.

А какой француз может обойтись без женщины?

ЛУИ.- Я смогу обойтись без тебя.

ЛУМИР. -Она тебя любит. И нечего скрежетать зубами.

ЛУИ. –Мне все это неприятно слышать.

ЛУМИР. -Она тебя любит. Я видела, как она на тебя смотрит, как она вибрирует словно туго натянутая скрипичная струна под

твоим взглядом. Она прилепится к твоей плоти своими черными глазами! Обовьется вокруг тела бечевкой, как плющ вокруг дуба.

ЛУИ. –Ну что же. Все равно из нас двоих я сильнейший.

ЛУМИР. - Живи счастливо.

ЛУИ.- Счастливо или нет.

ЛУМИР. -Прощай же, брат!

ЛУИ. -О, только не улыбайся так, с этой усмешкой на губах, отвращающей от жизни.

ЛУМИР. -Живи. Ты мне не нужен.

ЛУИ.-Ты думаешь спасти Польшу?

ЛУМИР. -Это любимая издевка у вас у всех, у твоего отца, у Али, у Сишель.

ЛУИ.- Но ты же не можешь в одиночку воссоздать свою страну.

ЛУМИР. -Нет.

Смотрит на Распятие.

ЛУИ.- Если бы Бог существовал, он бы спас Польшу.

ЛУМИР. - Речь не идет о спасении.

ЛУИ.- О чем же идет речь?

ЛУМИР. - О том, чтобы покинуть Тюрелюра и всех его близких.

ЛУИ.-В самом деле! Лишний раз обвинить во всем Бога?

Добавить еще одну несправедливость на счет Польши!

Пауза.

Надо нарушить запрет? Дать лишний разок поработать палачам?

Пауза.

Палачам Польши, почему ты молчишь?

ЛУМИР. -Это французам свойственно употреблять подобные термины.

ЛУИ.-Почему же ты тогда отправляешься туда?

ЛУМИР. - Я отправляюсь к моей земной родине, потому что никакой другой нет. Оправляюсь туда, где я больше не буду чужестранкой.

Где я смогу разделить глубокую ночь вместе со всеми моими соплеменниками, моими братьями.

С теми, кто лишен всего бесполезного, всего, кроме любви, которую мы можем подарить друг другу, я и мой народ в беспросветной тьме!

Эту любовь, которую ты не захотел, самую сущностную вещь, которую я не смогла отдать, мою душу,

Я принесу им, как пленник со связанными членами, который губами ищет своего брата в ночи, человеческое лицо в ночи, чтобы разделить с ним хлеб свой, что он держит в сжатых зубах!

Живая я не могу пребывать со всеми.

Но умерев, я буду вся полностью со всеми и все во мне.

ЛУИ.-Те, кто призывают тебя, безумцы.

ЛУМИР. -Ты прав, я тоже нахожу их безумными, бедных моих братьев, но это ничего не меняет.

ЛУИ.-И даже если бы я женился на тебе, ты все равно бы уехала, предпочтя мне всех этих людей, которых ты не знаешь?

ЛУМИР. -Да.

ЛУИ.-Значит, я правильно поступил отпуская тебя.

ЛУМИР. -Нет, брат мой. Даже если у тебя будет долгая жизнь. Ты никогда больше не получишь подобной возможности отдать ее той, что в свою очередь отдаст тебе свою.

ЛУИ.-Наша обязанность жить.

ЛУМИР. - А моя - умереть.

Низко, отвратительно, между двумя конвоирами, недовольными, что их подняли в столь ранний час.

Фонарь, дождливая ночь, в преддверии зимы, дождь без просвета, и никакой надежды.

Девушку повесят на железной перекладине между двух тюремных стенок. Прощай же.

ЛУИ.- И никакой надежды.

ЛУМИР. -Да, прощай без всякой надежды, ни в небесах, ни на земле.

Она выходит.

Сцена III.

Входит Сишель.

СИШЕЛЬ.- Вот я принесла все бумаги. Мой отец вскоре тоже будет здесь.

ЛУИ.-Премного благодарен.

Сишель.-Луи!

Я уверена, что вы в обиде на меня. Вы думаете, что я захватила ваше наследство.

ЛУИ.- И держите его. Скатертью дорога. Ненавижу эту страну.

СИШЕЛЬ.- Клянусь, я ни в чем перед вами не виновата, вопреки тому, что вы думаете.

Эти триста тысяч франков, это в самом деле в точности та сумма, которую ваш отец нам должен.

Включая те двадцать тысяч франков, которые вы получили.

Добавьте сюда еще тридцать - сорок тысяч франков, плюс или минус, стоимость имения Куфонтен.

Это ваш отец почему-то пожелал округлить сумму.

Разве так уж много за все эти годы рабства?

Все, что я говорю, чистая правда.

ЛУИ.- Да я вовсе на вас не в обиде.

СИШЕЛЬ.- Нет, вы вовсе на меня не в обиде, как это похоже на вас.

Мое будущее разрушено, мой покровитель умер, я опозорена.

За все это вы тоже на меня не в обиде.

СИШЕЛЬ.-Я не убивал моего отца.

Пауза.

СИШЕЛЬ.-Вы не убивали вашего отца. Нет.

Не было надобности прилагать к этому руку. Предполагаю, что одного страха оказалось достаточно.

Что вы там ищите взглядом во дворе? Вы могли бы смотреть на меня, когда я с вами разговариваю.

ЛУИ.- Я не хочу пропустить кого-то, кто уезжает.

СИШЕЛЬ.- Кого же это?

ЛУИ.-Графиню Лумир.

СИШЕЛЬ.-Лумир уезжает?

ЛУИ.-Она уезжает, и я полагаю, больше никогда не вернется.

Пауза

СИШЕЛЬ.-Луи, мне больно за вас.

ЛУИ.-Спасибо большое.

СИШЕЛЬ.-Я бы на ее месте осталась.

ЛУИ.-Это точно.

СИШЕЛЬ.- Луи, то что происходит во дворе, очень интересно.

Но вот здесь у меня в руках бумага, стоящая того, чтобы взглянуть на нее.

ЛУИ.-И что это?

(Она протягивает ему документ)

Понятно. Долговая расписка моего отца. Я ее уже видел.

(Делает движение, чтобы вернуть ей бумагу)

СИШЕЛЬ *(уклоняясь)*.- Клянусь, что это единственный экземпляр.

ЛУИ.-Заберите ее.

СИШЕЛЬ.-Мне стоило большого труда заполучить ее у моего отца.

ЛУИ.-Заберите ее.

(Одним щелчком подбрасывает бумагу в воздух)

СИШЕЛЬ *(подхватывая ее на лету)*.- Все будут обвинять меня в том, что я вас ограбила.

ЛУИ.- Имея в своем распоряжении поместья «Непоколебимое Древо» и Куфонтен, у вас будет чем утешиться.

СИШЕЛЬ.- Так и вы тоже меня обвиняете?

ЛУИ.- Я отправлю вам финики к первому января.

СИШЕЛЬ.-Я всего лишь еврейка, не так ли? Меня интересуют только деньги? Так вот, глядите, что я сделаю с этими.

(Она разрывает на кусочки бумагу. Пауза. Они смотрят друг на друга.)

Вот. Я вам все вернула.

Ваши деньги и наши. Такова наша скупость.

ЛУИ.-Сишель, то, что вы только что сделали, не так уж глупо.

СИШЕЛЬ.-Не правда ли? Я обокрала моего отца, я его обобрала и отдала себя на вашу милость. Какая уловка с моей стороны!

ЛУИ.-Как жаль, что мой отец умер!

Шум экипажа во дворе. Луи приближается к окну и прислонившись к стеклу, долго остается в неподвижности.

СИШЕЛЬ.- Это сожаление меня удивляет.

ЛУИ.-Да. У меня теперь никого нет, чтобы предпринять в вашей семье все полагающиеся в подобных случаях действия.

СИШЕЛЬ.-Какие действия?

ЛУИ.-Да, затруднительная ситуация для молодого человека из хорошей семьи.

СИШЕЛЬ.-Какая ситуация?

ЛУИ.- Вы в самом деле полагаете, что я могу вот так запросто воспользоваться вашим великодушием? Вы в самом деле полагаете, что я могу вот так запросто принять ваши деньги? Они ваши, вы их заработали, и к тому же на то была воля моего отца.

И боюсь, я также причастен
К событию, послужившему тому, что вы потеряли вашего покровителя.

Да, я виноват перед покойным. И теперь должен с уважением отнестись к его воле.

Короче, я готов загладить свою вину, как и полагается человеку чести.

СИШЕЛЬ.-К чему вы клоните?

ЛУИ.-Мадемуазель Хабенихтс, имею честь просить вашей руки.

СИШЕЛЬ.-Луи, если вы шутите...капитан, я хочу сказать...господин граф, господин капитан

Что-то лепечет.

ЛУИ.- Вы заставите меня заплатить за эту шутку? Не так ли? Именно это вы хотите сказать?

СИШЕЛЬ.-Нет, я не угрожала вам.

ЛУИ.-А я не шучу.

СИШЕЛЬ.-Луи, если вы женитесь на мне, какой скандал!

ЛУИ.-Я ничего не боюсь. Мне даже забавно.

СИШЕЛЬ.-Ваш отец...

ЛУИ.- Я исполняю его самые заветные желания. Еще одна связь между нами, и какая, добавится к кровным узам! Абсолютное наследие! Ничего не пропущено. Как будто все тот же человек продолжается.

СИШЕЛЬ.- Вы на самом деле предлагает мне выйти за вас замуж?

ЛУИ.-Да, мне неожиданно пришла в голову такая мысль.

СИШЕЛЬ.-А если я откажусь?

ЛУИ.-Вы не откажитесь. Так надо. *Мехтуб*. Так написано свыше. Мы созданы друг для друга. Все прописано, как на гербовой бумаге.

СИШЕЛЬ.-Вы полагаете, что я разорвала расписку, чтобы вы мне сделали предложение?

ЛУИ.-Да, я в этом уверен.

СИШЕЛЬ.-А даже если бы это было так?

ЛУИ.- Это лишь доказывает, что вы меня хорошо знаете.

СИШЕЛЬ.-Это доказывает, что я люблю вас.

ЛУИ.- Это доказывает, что вы меня желаете, меня, мое имя, мое будущее и мое состояние.

СИШЕЛЬ.-Все вместе! Как могу я ненавидеть хоть что-то из того, что принадлежит вам? Да, я хочу все, что принадлежит вам! Все это предназначено для меня и я сумею им воспользоваться.

Что бы сделала со всем этим ваша нелепая полька? Эта пылкая льдышка? Посмотри только как она тебя отбросила.

Я знаю, я еврейка, и я все подстроила, чтобы завладеть тобой. Не так ли? Ты наивный простак, а я всю интригу против тебя подстроила заранее.

А даже если бы это было так?

Разве так уж много у меня здесь друзей? Разве так уж много возможностей? Или есть другое средство, на которое я могла бы рассчитывать? О, я могу рассчитывать только на саму себя,

И этот камень, давящий на нас, мне нужно его приподнять, и выдавить наше проклятие, силой разжав челюсти!

Сколько веков отлучены мы от всего человечества! Сколько веков нас держат в стороне от всех, подобно золоту в кошнице скупца! Дверь наконец открывается, и тем хуже для тех, кто нас впустил! Тем хуже для тебя, мой красавчик капитан! Я люблю тебя и ты увидишь, я дочь Глада и Жажды! Какой ты красивый!

Мы, другие, не так избалованы!

Дверь открылась наконец! Ах, я отрекаюсь от моего народа и моего рода! Я ненавижу прошлое! Я попираю его ногами, я отплясываю на нем, я плюю на него!

Твой народ станет моим народом и твой бог станет моим богом!

Я буду твоей, мой красавчик капитан, и ты увидишь, смогу ли я тебе на что-нибудь сгодиться.

ЛУИ.- Приди в себя, и перестань страстно лизать мне руки, подобно привязчивой собачонке !

Я беру тебя в жены, потому что не могу поступить иначе, и ты не внушаешь мне страха.

Ты выстрелила в меня векселем моего отца.

Отлично, я подтверждаю его подпись, это долг чести.

Я принимаю все его наследство, ничего не отвергая, и это я посмеюсь последним!

СИШЕЛЬ.- Ты меня оскорбляешь, это хорошо.

ЛУИ.- Я хотел бы, чтобы все было ясно между нами.

СИШЕЛЬ.- Поноси меня, попирай меня, я не жду от тебя иного.

Издавна Израиль подвергается унижению, подобно вещи ненавистной, но необходимой!

Ты оскорбляешь меня! Но издавна Израиль пьет унижения как воду!

Сказала ли я «как воду»? Нет, вовсе не как воду, как крепкое дорогое вино, которое разогревает кровь и ударяет в голову!

Ты оскорбляешь меня! Но все -таки я буду женой твоей, и я буду иметь дитя от тебя, и оно будет моей крови и моего рода.

ЛУИ.- Посмотри мне в глаза.

СИШЕЛЬ.- Пожалуйста, я смотрю.

ЛУИ.- Ты не смотришь на меня, ты улыбаешься.

СИШЕЛЬ.- Теперь я смотрю на тебя.

ЛУИ.- Нет, ты не смотришь на меня, ты вся залилась краской, и твои глаза уже не здесь. О, все-таки я хозяин!

СИШЕЛЬ.- Думаешь, я не заметила, что в твоих глазах?

Что-то произошло с ними с того дня, и твои глаза больше не те же самые.

ЛУИ.- Ничего не произошло.

СИШЕЛЬ (*тихо, облизнув губы*).- Не правда ли? Ты убил своего отца?

ЛУИ.- Я не убивал моего отца.

СИШЕЛЬ.- Я тебя ни о чем ни спрашиваю. Я не хочу ничего знать.

Но эти глаза не похожи на глаза человека, у которого на душе спокойно.

ЛУИ.- Нет нужды ни в душе, ни в спокойствии.

СИШЕЛЬ.- О, если ты не переносишь спокойствия, ты не найдешь целителя лучше меня!

Нет, в самом деле к черту спокойствие! Это было бы слишком удобно для всех этих трупов вокруг нас, им не удастся вечно мешать нам жить!

Если ты не смог терпеть даже своего отца, то уж тем более мы не станем терпеть всех этих бледных подобию.

Как тебе хорошо знакома твоя Африка, так и я прекрасно знаю светское общество, оно будет для нас как карта новой страны, подлежащей изучению, со всеми своими железнодорожными путями, реками, со всеми своими тайными кодами!

Потому как мы созданы, чтобы править и повелевать.

Что-то навсегда нарушено между нами и всеми остальными людьми, и тем хуже для них, а мы не преминем воспользоваться этим обстоятельством.

ЛУИ.- И мне останется Сишель Хабенихтс.

СИШЕЛЬ.-Тебе останется Сишель Хабенихтс, а мне – отцеубийца.

Ладно уж, твой секрет не так глубоко спрятан, чтобы мне не догадаться и не разделить его с тобой.

В нас с тобой достаточно грехов и несчастий, чтобы любить друг друга! О, я научу тебя любить меня и ты не пожалеешь об этом!

Мой прекрасный капитан! Ах, какой ты еще невинный рядом со мной! Какой ты статный! Какой ты сильный и как я тебя люблю!

Подожди немного, и я открою тебе Париж!

ЛУИ.- Я не собираюсь в Париж.

СИШЕЛЬ.- Ты же не думаешь оставаться в этой дыре?

ЛУИ.-Именно так.

СИШЕЛЬ.- Что ты будешь делать со мной здесь?

ЛУИ.-Что смогу, и нужно будет идти прямым путем.

СИШЕЛЬ.-Ну что же, тогда мы выставим нашу кандидатуру на выборах.

ЛУИ.- Мне необходимо увидеть твоего отца.

СИШЕЛЬ.- Я же тебе сказала, он придет.

ЛУИ.- Интересно, что он скажет по поводу твоего довольно своеобразного способа служить его интересам?

СИШЕЛЬ.- Мы же знаем, как образумить стариков.

ЛУИ.- Я изучил по бумагам отца всю сделку, касающуюся покупки «Непоколебимого». Это ведь еще только проект?

СИШЕЛЬ.- Да, хотя он и получил аванс в размере 20 тысяч франков.

Как раз та сумма, которую ты нашел при нем.

ЛУИ.- Цена мне кажется очень заниженной.

СИШЕЛЬ.- Да ведь речь идет всего то о развалюхе и нескольких скудных клочках земли.

ЛУИ.- Замечательно удачно расположенных.

СИШЕЛЬ.- Послушай меня. Продай ему имение. Он за него очень держится.

Луи- Тогда пусть заплатит настоящую цену.

СИШЕЛЬ.- Сейчас я тебе все объясню. Это был еще один ловкий ход Тюрелюра. О, у него были иногда идеи.

Луи- Он не получит «Непоколебимого» дешевле, чем за сто тысяч. Это наше родовое имение.

СИШЕЛЬ.- Он тебе все заплатит. Но выслушай вначале. Узел железной дороги к Реймсу, со всеми полагающимися мастерскими и локомотивными депо, пройдет не через «Непоколебимое». Он будет в Шалоне.

Твой отец только недавно вырвал эту информацию у министра Общественных Работ. Так что пока это еще секрет.

ЛУИ.- Понимаю.

СИШЕЛЬ.- И твой отец даже уже успел втихую купить там землю с помощью моего дяди из Эпернея, брата моего отца, торговца шампанским. Все документы на сделку у меня.

ЛУИ.- Хабенихтс? Что-то я не припомню, чтобы в Эпернее жили Хабенихтсы.

СИШЕЛЬ.- А он не Хабенихтс. Его зовут Дюмелуар. Роже Дюмелуар. Это хорошее имя.

Входит Али Хабенихтс

Сцена IV

АЛИ.- Господин Граф, имею честь приветствовать вас.

СИШЕЛЬ.- Отец, как я счастлива!

(Обнимает его.)

АЛИ.- Что произошло?

ЛУИ.- Это по моему отцу вы носите траур?

АЛИ- Я посчитал, что будет прилично, если я одену все самые черные одежды.

ЛУИ.- Не сожалейте ни о чем.

СИШЕЛЬ.- Отец!

(Обнимает его)

АЛИ.- Дитя мое.

ЛУИ.- Мадемуазель и я, после размышлений,
Договорились между собой о полной ликвидации,
Или лучше сказать консолидации?
Другими словами, она отказывается в мою пользу от вашего
долгового требования, а я женюсь на ней.

АЛИ.- Что я слышу?

СИШЕЛЬ.-Отец!

(Обнимает его)

ЛУИ.-Господин Хабенихтс, я имею честь просить у вас руки
вашей дочери.

АЛИ.-Господин граф, вы конечно полагаете, что оказываете мне
большую честь?

ЛУИ.-Мне самому это в радость.

АЛИ.-Мой отец был известным раввином. Also ! Если бы он
узнал, что его внучка выходит замуж за иноверца и его кровь
смешается с нашей,

Вы полагаете, он счел бы это за честь?

Что ты скажешь, Сисель?

СИШЕЛЬ.-Отец, мы же разорвали все связи с прошлым.

АЛИ.- В самом деле, все ограничения сняты!

СИШЕЛЬ.- Жизнь начинается для нас.

ЛУИ.-Бросимся же в объятия друг другу.

АЛИ.- Вы стали моим сыном. Ваш отец был моим другом.

Мой старый союз с вашей семьей теперь подкрепляется
более нежными узами. Мы теперь составляем единое целое.

ЛУИ.- Хорошо сказано, милостивый господин мой отец. О, как я
тороплюсь поскорее дать жизнь хорошенькому малышу
Хабенихтсу!

Кровь Куфонтенов уже приняла в себя Тюрелюра, а теперь
весь Израиль вольется в нее. Наше имя покроет все.

СИШЕЛЬ.-Не бойся, я буду достойна его! Ты увидишь, я
способная. Из меня можно сделать что угодно.

И я приму любую веру, какую ты захочешь.

ЛУИ.-Католическую.

Все говорят, что я католик.

СИШЕЛЬ.- Именно, это как раз та религия, которую я
предпочитаю, она такая живописная!

АЛИ.-Только послушайте ее! Она говорит «религия» и «католическая» как будто речь идет о гостинице в стиле Ренессанс.

Ей все одно! Ganz Wurst!⁷ Все ей сосиска!

ЛУИ.-Так по рукам?

АЛИ.- Я ратифицирую все, на что моя дочь сегодня дала согласие. Это конечно дороговато. Но что поделаешь! Будем считать, что это ее приданое.

СИШЕЛЬ.- Отец!

АЛИ.-Да, я знаю все, что ты хочешь мне сказать, дитя мое!

СИШЕЛЬ.-Я переговорила с Луи.

АЛИ.- Ну-ну! Теперь после всего, что я сделал для вас, я уверен, вы не захотите мне противоречить. Не то, чтобы я так уж держался за покупку этого вашего «Непоколебимого», но у меня планы на прилежащие земли, так что я теперь не могу отступить.

И к тому же ваш отец дал мне слово. Не хватает только подписи. Вы же не захотите оскорблять его память.

ЛУИ.-Я еще не дал согласие.

АЛИ.- В случае перепродажи с надбавкой свыше 40 процентов ваши права на комиссионные учтены.

ЛУИ.- Все-таки «Непоколебимое»- родовое имение нашей семьи.

АЛИ.- Если мы организуем акционерное общество, вы получите 20 процентов акций учредителя.

СИШЕЛЬ.- Ты же в курсе, я же тебе все бумаги показывала.

Сделай это для моего отца. Подпиши, дорогой, чтобы доставить мне удовольствие!

ЛУИ.-Ну ладно, я соглашаюсь, где документ?

АЛИ.-Вот он.

(Лихорадочно роется в своем портфеле)

ЛУИ.-Не спешите.

Сколько вам лет, отец АЛИ?

АЛИ.-Семьдесят, господин граф!

ЛУИ.-И все тот же задор и упоение в сделках?

АЛИ.-Все тот же, господин граф, все тот же! Ах, я бы хотел никогда не умирать.

⁷ Дословно- все сосиска (нем.)

Какого черта я мог задевать эту бумагу?

(Вынимает из своего портфеля все содержимое).

Это образец породы, который мне прислали из Саарской области ; это план новых укреплений Парижа, это мой контракт с Блюмом, это...

(Вынимает из портфеля бутылочку, завернутую в газетную бумагу, которую пытается поскорее спрятать)

ЛУИ.-Что это?

АЛИ.-Прошу извинить меня, господин граф, это для доктора.

ЛУИ.- Вы страдаете почками?

АЛИ.- Нашли немного белка. Теперь врачи не устают досаждать меня с этим. Некоторые даже дают мне только год жизни.

Шутники!-А вот и наш документ.

Луи, прочитав, подписывает бумагу, затем похлопывая Али по плечу:

- Вы можете сказать себе, что заключили удачную сделку. Ах, вам повезло иметь такого зятя, как я.

(Все трое берутся за руки⁸).

А теперь я хотел бы попросить вас еще кое о чем.

АЛИ.- Все, что пожелаете.

Луи(*указывая на Распятие*).- Вы ведь любитель редкостей, избавьте меня от этой гадости.

АЛИ.- Но у него нет никакой ценности! Дождь и время превратили его во что-то бесформенное.

СИШЕЛЬ.-Отец, оно все-таки 15 века!

АЛИ.- Да оно все состоит из расколотых кусков. Говорят, что это госпожа ваша матушка нашла его и собственноручно собрала.

ЛУИ.-Да, она была любительницей подобного рода вещей.

АЛИ.- Мне этого не нужно.

ЛУИ..- Да оно же целиком из бронзы, из такой отливали колокола.

(Ударяет по нему пальцем. Али тоже ударяет, но не сильно).

-Смелее, не стесняйтесь!

⁸ У Клоделя в этом месте сноска-«здесь завязка новой драмы». Речь, по-видимому, идет о следующей части трилогии «Унижение Святого Отца», главная героиня которой слепая красавица Пансе, дочь Сисель и Луи де Куфонтена.

Есть у вас что-нибудь твердое?

АЛИ (*вынимает из кармана ключ*).- Этот ключ я подобрал посреди развалин «Непоколебимого».

ЛУИ. (*берет ключ, и обрушивает сильный удар на голову распятого Христа*).- Послушайте только, какой звук!

АЛИ.- Да, в ту эпоху хорошие мастера не были редкостью.

ЛУИ.- Что вы мне за него даете?

АЛИ.- Три франка за килограмм. Это обычная цена. Больше вам никто не даст.

ЛУИ.- Но это же старинная бронза! Смотрите!

(*Он царапает ключом по руке распятого Христа*)

Они не умели очищать металлы. В этой старинной бронзе можно найти все, даже золото и серебро.

АЛИ.- Я даю вам три франка.

ЛУИ.- Дайте хотя бы пять.

АЛИ.- Ладно, даю четыре, хотя считаю, что чересчур дорого.

Это уже не коммерция, а какая-то причуда. Четыре франка! Да, вы меня вынуждаете на убыточное предприятие.

ЛУИ.- Ну что ж, соглашаюсь на четыре, и если вы избавите меня от этой мерзости,

Я буду в любом случае считать себя в выигрыше.